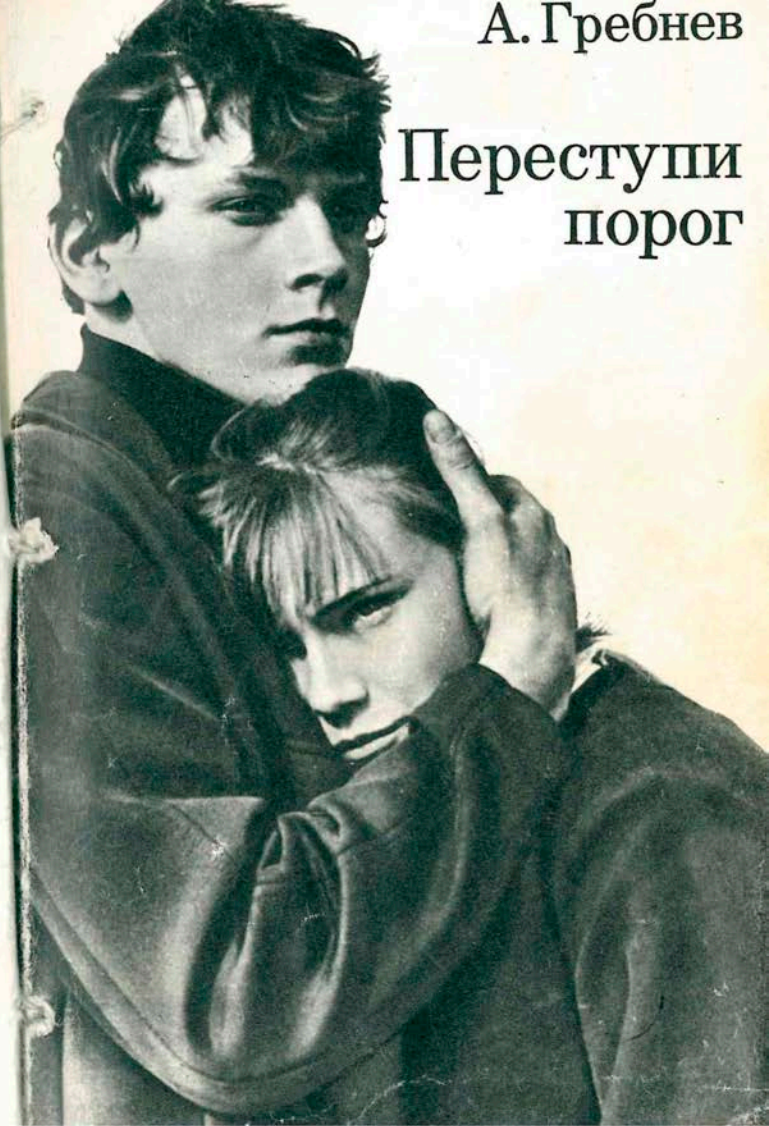

А. Гребнев

Переступи
порог

Анатолий Борисович Гребнев родился в 1923 году; детство его прошло в Тбилиси. Там же в местной газете начал свой путь журналиста.

Работал сначала в молодежной, затем в военной печати, а с 1950 года, после окончания театрального института в Москве, — в газетах «Советское искусство» и «Советская культура», где выступал как очеркист и театральный критик. В качестве специального корреспондента газеты А. Гребнев много ездил по стране, бывал в разное время в совхозах Алтая и Казахстана, на стройках Сибири. Наблюдения тех лет легли в основу его первого сценария — «Ждите писем», поставленного в 1960 году режиссером Ю. Карасином.

После «Ждите писем» А. Гребнев стал работать в кино. По его сценариям поставлены фильмы «Дикая собака Динго», «Два воскресенья», «Июльский дождь» (совместно с М. Хуциевым), «Разбудите Мухина» (совместно с Я. Сегелем) «Сильные духом», «Переступи порог». В настоящее время закончен сценарий «Визит вежливости» (совместно с Ю. Райзманом).

А. Гребнев

Переступи порог

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

I. ВЕСНОЙ...

РОДИТЕЛИ

В десятом «А» проходило родительское собрание. Папы и мамы расположились за столами, где днем сидели их дети. Женщина лет сорока, классный руководитель, закончила переключку, отметила в журнале отсутствующих и затем, поднявшись с места, прошагав в дальний угол — все, как днем, на уроке, — начала свою речь.

Она держалась несколько официально, а может, просто смущалась под взглядами малознакомых, пожилых, очень разных людей.

— У нас с вами сегодня последнее собрание перед выпуском. Надо ли объяснять всю важность и ответственность, — тут она запнулась, ища слово, — этого момента. Еще два месяца, и ваши дети, наши ученики, получат аттестаты зрелости и станут самостоятельными людьми...

Так она говорила в тишине, расхаживая по привычке по классу, и люди за школьными столами провожали ее глазами от окна к двери и от двери к окну.

— Как же, собственно говоря, обстоят наши дела? Скажем прямо, они обстоят не блестяще. Почему-то вот именно сейчас, на финише, появилась какая-то усталость, даже равнодушие у отдельных наших учеников, что, конечно, не может не вызвать тревоги... — Официальная речь давалась ей с трудом, она была человеком конкретных мыслей и действий. — Например, Терещенко...

— Что — Терещенко? — насторожились сразу двое — полная крашеная блондинка и представительный, под стать ей, мужчина, тесно сидевшие рядом.

— Совершенно отбился от рук Эдик Терещенко, — сказала учительница, уже свободнее чувствуя себя в

стихии фактов. — Двойка по химии, двойка по истории. И с милой улыбкой заявляет, что он, видите ли, устал от школы!

— Устал? — переспросил мужчина и поглядел на жену.

Тишина сразу прорвалась голосами, смехом. Эдик Терещенко произвел впечатление.

— А что вы думаете, — говорила громче других изящная женщина, казавшаяся здесь совсем молодой. — Вы попробуйте на их месте — десять лет, изо дня в день!..

— Утомились! — говорила другая женщина, с шерстяным платком на плечах. — У папы с мамой да принеси-подай!..

— Мой тоже: придет — завалится. Пока не растолкаешь... — рассказывала третья.

Вера Дмитриевна (так звали классного руководителя) дождалась тишины и продолжила ровным спокойным голосом:

— Тот же Эдик Терещенко и вся его компания — Тихомиров, Колганов и Андрей Глазунов, — называя имена, Вера Дмитриевна находила глазами соответствующего родителя, — не далее как сегодня, во время урока химии, оказались почему-то во дворе и голяли мяч весь урок, под окнами, на виду у преподавателя, демонстративно!.. Галина Георгиевна пришла буквально в слезах... Я должна вам сообщить, товарищи, что этот поступок может иметь самые серьезные неприятные последствия, вплоть до снижения отметок за поведение...

— Он мне ничего не говорил, — заволновалась Терещенко-мать. — Я первый раз об этом слышу...

— Нет, мне Андрей все рассказывает, — сообщила изящная женщина. — Он пришел сегодня очень взволнованный. Они думали, что у них свободный урок...

— Ничего подобного, — возразила Вера Дмитриевна, — их еще на лестнице предупредила Любимова, а они ей нагрубили...

— Вот-вот, — сказал Терещенко-отец. — Распустились. Домой стал являться в двенадцатом часу. «Где был?» Молчит. Ваш когда приходит?

Высокая седая женщина с короткой стрижкой — мать Алика Тихомирова — ответила спокойно:

— Они обычно вместе.

— Погодите, он в субботу когда пришел? — вмешалась в разговор еще одна заинтересованная мама.

— В субботу они ходили в театр.

— Театр кончается в пол-одиннадцатого...

— Я не понимаю, что тут удивительного, — заявила все та же изящная женщина, мама Андрея, державшаяся, как мы видим, прогрессивных взглядов на воспитание. — Вы просто все забыли, вспомните себя!..

— Ну, знаете! — сказал ей Терещенко.

И тотчас, окончательно нарушив порядок собрания, понеслись со всех сторон голоса.

Вежливый:

— Это, простите, не аргумент!

Сердитый:

— Чего вы удивляетесь: все нынче умные стали!

Назидательный:

— Баловства много, вот что. Избаловались мальчишки.

— Вот-вот, никого не боятся!

— И что за моду взяли: все в галстуках. Вы заметили? С утра в школу — галстук.

— Это у них форма такая. У всей компании.

— Странно, что ваш Андрей. Такой серьезный парень.

— Моя так и говорит: а почему, говорит, другим разрешают?

— Всем объединиться, товарищи, и выработать общую линию, вы со мной согласны? Запишите, пожалуйста, телефон...

Тем временем, пока совершался этот тайный заговор родителей десятого «А», мать Эдика Терещенко подсела к матери Алика Тихомирова для особого разговора.

— Скажите, он с вами делится? Ничего от вас не скрывает? Вы знаете... — Мама Терещенко еще помедлила, раздумывая, и наконец решилась. — Мне тут Эдик на днях проговорился. Только ради бога! Он меня убьет!.. Вы что-нибудь знаете насчет Лены?

— Какой Лены?

— Лены Прохоровой. — Мама Терещенко на всякий случай оглянулась, называя фамилию.

— А что именно? Они дружат с Аликом, это я знаю.

— Дружат? Это теперь так называется... Вы простите, Мария Игнатьевна, может быть, я не должна... но, по-моему, там все серьезнее, чем вы представляете... Они каждый вечер вместе.

— Да, вероятно, — спокойно согласилась Мария Игнатьевна.

— Вы меня не поняли. Или просто не знаете, как это сейчас происходит. — Мама Терещенко оглянулась и продолжала еще тише: — Девчонки чуть ли не с восьмого класса, я вас уверяю... Просто чтобы вы, как мать, были в курсе...

— Спасибо. Хорошо, — сказала Мария Игнатьевна.

— Мне Эдик сказал, что там какая-то бурная любовь, чуть ли не каждый вечер вместе, вы понимаете? Только ради бога! Он взял с меня честное слово...

— Я вас поняла. Спасибо, — проговорила Мария Игнатьевна. — Но дело в том, что я привыкла верить моему сыну... Если он мне о чем-то не рассказывает, значит, не считает это возможным. Простите... — И Мария Игнатьевна дала понять, что не хотела бы дальше обсуждать эту тему.

...Заговор родителей продолжался.

— Запишите, пожалуйста, телефон. Сто тридцать четыре двенадцать десять. Лучше — днем, когда они в школе...

— Нет, но какая наглость, вы подумайте! Прямо под окнами, на глазах у педагога!..

— Это мой Юрка, точно! Уйти с урока — это он. Узнаю почерк!

Последняя реплика принадлежала молодому еще человеку — отцу Юры Колганова.

— Я очень рада, что вы сегодня пришли, Михаил Арсеньевич, — обратилась к нему Вера Дмитриевна. — Вы не были у нас, простите...

— По-моему, с седьмого класса.

— Да, совершенно верно. Ваш Юра способный юноша, с хорошими задатками, но, по-моему, лентяй и, не примите в обиду, слишком самонадеян. Когда-то, еще в восьмом классе, тройка, я уже не говорю двойка, — это была целая трагедия. Сейчас он относится к этому

совершенно спокойно — «подумаешь»! На что он рассчитывает? Как он думает поступать в институт?

— Не знаю, — чистосердечно признался Колганов-старший.

— Может быть, он думает, что заслуги отца откроют перед ним любые двери? Я очень сомневаюсь.

— Я тоже.

— Казалось бы, наоборот: имея перед собой пример...

— Вы знаете, я в данном случае никак не гожусь для примера, — сказал виновато Колганов. — Я был ответный двоечник. На второй год оставался. И тоже, знаете, бегал с уроков...

ДЕТИ

А в это время те, о ком шла речь на собрании, мирно развлекались в пустой квартире профессора Колганова, у сына его Юры, — шутили, дурачились, угощались вином, не испытывая никаких тревог.

Алик Тихомиров, тощий, давно не стриженный юноша в спортивной курточке и при галстуке, — все они были при галстуках и в белых сорочках — доказывал своему приятелю Андрею:

— Ручаюсь тебе, что сегодняшний шахматист первой категории, даже не мастер, играет в силу Ласкера и Алехина. Но Алехин — гений, а в сегодняшних шахматах побеждают техника и расчет. Времена гениев прошли...

— А как же ты, Алик? — спрашивала высокая худая девушка, стриженная под мальчика, Надя Воеводина. — Я-то считала, что ты у нас будущий гений.

— Увы, Наденька!

— А таблица логарифмов?

— Вопрос чистой памяти, — серьезно отвечал Алик. — Гениальность тут ни при чем. И к тому же, Наденька, будущий гений — это нелепость. Гений — это сейчас. Или никогда!

— Слушай, кстати, назови-ка мне известного польского шахматиста!

— Польского? Зачем тебе?..

В соседней комнате в это время шли какие-то шумные приготовления, и наконец зычный голос возвестил:

— У нас готово. Внимание! Жениха и невесту прошу в середину зала!

Это распоряжался маленький, подвижный Юра Колганов. Алик, Надя и все остальные устремились в гостиную.

— Спокойно! — кричал Юра. — Родственников прошу отойти на три шага! Слово имеет представитель общестственности!

Шум постепенно стих. «Жених» и «невеста» появились в дверях с лицами, выражавшими покорность судьбе. «Родственники» заплодировали. «Представитель общестственности» — в этой роли оказался все тот же Алик Тихомиров — вынул из кармана бумажку, надел очки и начал свою речь:

— Дорогие товарищи! Дамы и господа! Сегодня мы поздравляем наших дорогих друзей... — он заглянул в бумажку, — Эдуарда Терещенко и Альбину Савицкую!.. Дорогая Аля и дорогой Эдуард! Вы совершаете ответственный шаг в вашей жизни. Ибо что такое священные узы брака?

— Горько! — закричал кто-то из «родственников».

— Минуточку! — распорядился Юра. — Тосты будут потом. Продолжайте, коллега!

— Ибо что такое законный брак? — с невозмутимым видом продолжал Алик. — Это есть добровольный союз двух людей с целью создания здоровой семьи и продолжения рода...

— Короче! — попросил Юра.

— Короче: поздравляю вас с этим радостным событием, которое бывает у человека всего лишь несколько раз в жизни!..

Юра сложил рупором руки и заговорил торопливым голосом комментатора:

— Представитель общественности подходит к новобрачным и надевает им обручальные кольца!.. Объятия, поцелуй!.. Музыка, туш! Так. Попрошу родителей!..

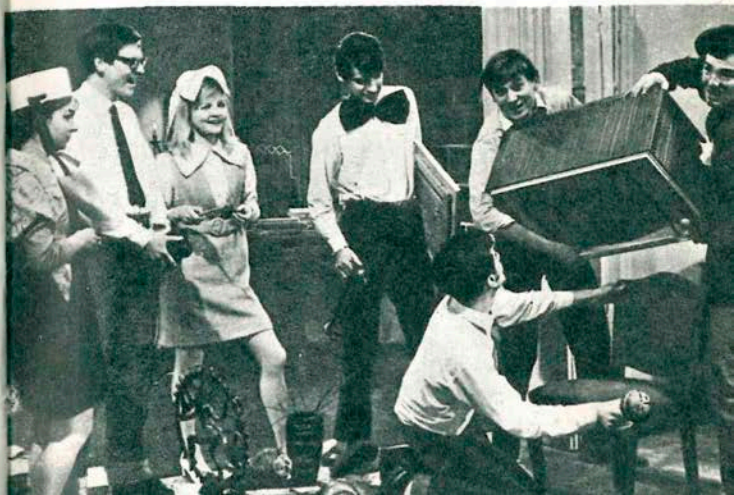
Все с тем же невозмутимым видом «представитель общественности» выполнил свои обязанности. «Жених» и «невеста» приняли «обручальные кольца». Появились и «родители», они так же ревностно исполняли свои роли, лишь «отец» почему-то давился от смеха. Наконец по знаку распорядителя двинулась процессия с подарками. Все, что оказалось под рукой в профессорской квартире, пошло в ход: вазы, чашки и блюда, снятый со стены натюрморт и даже телевизор вместе со сто-

ликом. А сам юный хозяин квартиры продолжал торопливо-восторженным голосом:

— Вот они, скромные подношения друзей и сослуживцев: подсвечники, вазы... полотно кисти неизвестного мастера... Ого, и даже телевизор! Его купили складчину приятели жениха... Э-э! — закричал он вдруг уже всерьез, — это не надо, повесь на место, слышишь, Андрей!.. (Это был архитектурный проект на ватмане, в деревянной рамке.) И вот он, главный подарок! («Глазный подарок» вынес Алик на тарелке в протянутых руках.) Ордер на квартиру!

В соседней комнате запустили магнитофон, стало шумно, часть «родственников», насытившись игрой, ушла танцевать. «Жених» и «невеста» стояли в комических позах, нагруженные «подарками». Им кричали «горько».

И тут Эдик Терещенко впервые попробовал осуществить свои жениховские права. Но «невеста» вдруг заупрямилась. Тарелка из ее рук выскользнула на пол и разбилась, кто-то закричал: «На счастье!», а Эдик наконец схватил Альбину и поцеловал.

— Машину! — кричал Алик. — Где машина «чайка»? Машину вызвали!

— «Москвич», — доложил Юра.

— Вы отстали от жизни, дорогой товарищ, я вас уволю! Сейчас «чайку», «чайку» дают напрокат!

— Слушай, отстань, — вдруг всерьез заговорила «невеста», с силой отталкивая Эдика. — И вообще надоело! Эти ваши глупые выдумки! Вы что думаете, все на свете можно высмеивать? — Голос ее дрожал от негодования. — Тоже мне — нашли повод! Дурак! — крикнула она Эдику, который все еще скалил зубы. И выбежала из комнаты.

— Увы, — констатировал Алик, — несчастные браки в наши дни не такая уж редкость. Невеста покинула Дворец бракосочетаний!

— Алик! — позвал женский голос.

Это Лена Прохорова появилась в дверях — спокойная, рассудительная Лена, никогда не улыбающаяся без особого повода. Не улыбалась она и сейчас.

— Алик! — повторила она голосом, которого нельзя было не послушаться. — Давайте-ка сейчас же поставьте все на место. Не у себя в доме!

— А заниматься мы будем сегодня? — спросила Надя Воеводина.

...Так, постепенно, мы и познакомимся с ними на этой шумной, бестолковой — без всякого повода — вечеринке. Сейчас они юны и беспечны, и ничем не омрачена их школьная — с первого класса — дружба.

— В этом году две отметки: за грамматику и за содержание отдельно. Если будет вольная тема, как в том году...

— Слышали, девочки, Генка-физкультурник женился!

— Да брось ты! На ком?

— Она с телевидения, танцы показывает, брюнеточка такая в белых чулках. Во вторник физкультуры не будет!..

— А что тут Надька затеяла? Зачем тебе энциклопедия?

— Молчите, девочки, ша, собираюсь в Польшу!

— Ты? В Польшу?

— Не читали в газете? Викторина. «Знаете ли вы Польшу?» Двенадцать вопросов. Первая премия — поездка.

— Ну и ну! Ты одна такая умная! Знаешь, сколько охотников!

— А может, и нет? Каждый так думает. А кто-то один возьмется и ответит.

— И это будешь ты.

— И это буду я, — сказала Надя.

Время от времени в комнатах раздавались смех, музыка, шаркали ноги танцующих. Ленка Жургин с боксерской перчаткой на руке демонстрировал Эдику Терещенко приемы:

— Левую вперед! Голову! Удар! — кричал он весело, но Эдик в основном прятался от ударов и размахивал перчаткой, а Ленка наступал и веселился.

В кабинете Юриного отца рассматривали проект на ватмане, в деревянной рамочке, — теперь он висел на месте, над рабочим столом.

— Дворец спорта в Ташкенте, — пояснил Юра. — Вот видите, здесь бассейн... крытый стадион... Здесь трибуны...

— Красиво... Слушай, он сколько у тебя получает? Тыщу в месяц получает?

— Ну, хватил!

— А почему? Архитектор!

— У меня брат архитектор. Ну и что? Сто двадцать. Думаешь, получил диплом и уже все? Это надо еще, чтоб тебя заметили. Вон их сколько — все с дипломами...

— Вопрос таланта.

— Тоже не обязательно. Локти нужны.

— Отец никогда никого не расталкивал, — обиделся Юра, до сих пор безучастно слушавший этот разговор.

— Откуда ты знаешь? Он тебе докладывает?

— Да, он этого всего не признает. Знакомства там всякие. У него друзья — вот как были со школы, вроде нас, и все. Уж сколько лет. Я-то знаю!

— Вот, кстати, я бы за это выпил, — сказал Алик.

— Тебе хватит, — сказала Лена Прохорова. — Тоже мне пьяница.

— А пить больше нечего, — сообщил Эдик. — Там, правда, есть одна в холодильнике, я видел. С этикеткой. — И посмотрел на Юру.

— Вы что, с ума посходили! — снова вмешалась Лена. — Да отец с него шкуру спустит!

Но Юра уже принес бутылку — пузатую, с наклейками.

— Я не буду, — сказал Ленька Жургин.

— Леня не будет, — подтвердила Надя Воеводина, видно имевшая на Леньку какие-то свои права. — У него соревнования, я вам серьезно говорю!

— Я предлагаю, — сказал Алик, — я предлагаю... вот за нашу дружбу! Что бы там ни случилось. Чтоб мы никогда не работали локтями...

— Правильно! Гений!

— И чтоб мы не врали...

— По возможности!

— По возможности. И не унижались, — очень серьезно говорил Алик. — И, главное, никогда не предавали друг друга...

— Он серьезный человек, — сказал Андрей.

— Он очень серьезный, — подтвердил Эдик. — Моя мама говорит, чтоб я брал с него пример.

Заговорили все разом:

— И моя тоже!

— Все родители!

— А педагоги!

— Ну, педагоги!

— Слушайте, выберем его председателем!

— Точно! Председателем чего?

— Президентом!

— Ура! Да здравствует президент!

И в этот момент Юра поднял руку, прислушиваясь. Кто-то сразу замолк, кто-то толкнул соседа, но — поздно: в комнату уже входил Колганов-старший, Михаил Арсеньевич.

— А закурили! — поморщился он, остановившись на пороге. — Здравствуйте, молодежь!..

— Здравствуйте, — ответили ему нестройно.

Кто-то успел выключить магнитофон. Стало очень тихо.

— По какому поводу? — осведомился Михаил Арсеньевич, обведя взглядом комнату и стол со следами пиршества.

— Да вот, — начал Юра, напряженно соображая, — день рождения. Вот его! — И показал на Леньку. — Решили отметить у нас.

— Сколько — семнадцать? — спросил у Леньки Михаил Арсеньевич.

— Семнадцать, — с трудом, заикаясь от неловкости, подтвердил Ленька.

— Что ж ты не предупредил? — пожурил Михаил Арсеньевич сына. — Мы бы хоть как-то подготовились. Найди-ка там в холодильнике...

Юра кивнул, но не двинулся. Бутылка из холодильника, уже порожняя, стояла на столе. Михаил Арсеньевич заметил ее наконец, постоял еще немного в дверях и удалился.

Веселье кончилось. Гости стали поспешно собираться.

— Да куда вы, ребята? — не очень уверенно удерживал их Юра. — Давайте еще посидим, ерунда. — И даже включил музыку.

Но танцевать никто не стал. Девушки уже облачились в плащи и торопили парней, парни уединились для какого-то срочного совещания. Позвали Алика.

— Ладно, старик, не разыгрывай из себя. Александра Матросова, — сказал ему Эдик. — Сделают тебе хороший синяк под глазом, будешь ходить, большая радость. Одно из двух: или ты ее провожаешь, а мы тебя... только давай без пижонства...

Переговоры так и не окончились. В дверях снова появился Колганов-старший — уже в домашней куртке и тапочках, с каким-то свертком в руках. Он поманил пальцем Леньку и вручил ему сверток:

— Тебе. От меня.

— Да что вы! — Ленька даже отступил в испуге.

— Ладно-ладно, ломаться будешь потом, — сказал Михаил Арсеньевич и решительным жестом всучил ему подарок. Это был, как тут же выяснилось, галстук, не иначе как из Парижа, с нашлепкой фирмы на оборотной стороне.

— Давай-давай, — ободрил Леньку Юра и показал кулак, чтобы Ленька, чего доброго, не вздумал признаваться в обмане.

— Спасибо, — промямлил Ленька.

— Ну что, братцы, ругают вас учителя, — сообщил между тем Михаил Арсеньевич, опускаясь в кресло, которое ему уступили. — Я даже признаюсь вам, краснел, чего со мной давно не случалось. Как же это вы, а?

Ребята стояли по углам с выражением почтительной скромности.

— Школу-то думаете кончать?

— Думаем, — ответил за всех Эдик Терещенко.

— С уроков сбегаете. Учительница химии от вас отказалась. Заявила, что больше к вам в класс не придет, — продолжал Михаил Арсеньевич, стараясь придать своему голосу назидательный тон.

— Нехорошо, — заметил Эдик.

— То есть как не придет? — удивился Юра. — Кто же ей разрешит, она на работе.

— И тем не менее... Я вот не понимаю, у вас есть серьезные мысли о жизни, о вашем будущем? На что вы рассчитываете?

— Кто как, — сказал Эдик. — Вот Леня, например, он рассчитывает на свои кулаки.

— То есть?

— Разряд по боксу, — объяснил Эдик под сдержанный смех друзей.

— Мда, — сказал, не оценив шутки, Михаил Арсеньевич. — Интересно мне: вы на самом деле такие беспечные или кажетесь? — Он задумчиво смотрел на их лица. — Поглядеть на вас лет через двадцать... Да за чем — даже раньше. Через год.

— А что — через год?

Но Михаил Арсеньевич не ответил. Он строго смотрел на сына.

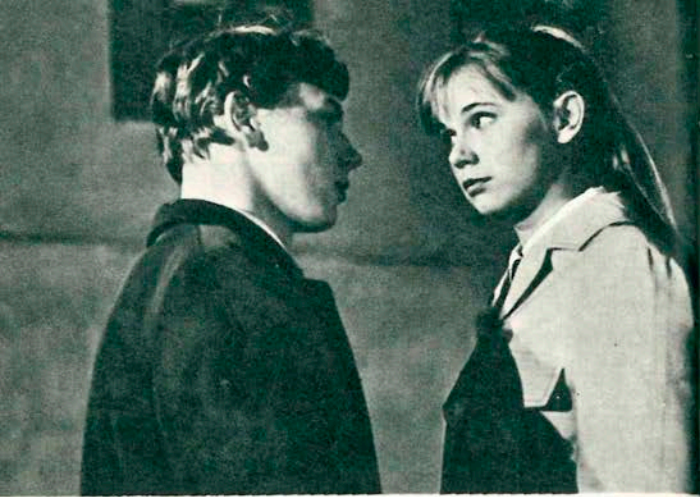
— Ну ничего. Поумнеете.

— Поумнеем, — охотно пообещал Юра.

Алик провожал Лену.

Они шли по широкому проспекту новой Москвы, где даже днем почему-то не бываетлюдно, а в эти часы, вечером, и вовсе мало прохожих. Витрины, вывески, неоновые рекламы, уличные фонари — все светилось для них одних. Они шли то медленно, то быстро, то вдруг останавливались, подчиняясь ритму своего разговора, который нам пока не слышен.

Потом они свернули, прошли переулок и оказались на улице, совсем безлюдной. Город еще не спал, повсюду светились окна; там где-то, за стенами блочных домов, шла своя жизнь; на тротуарах же не было ни души; казалось, что город брошен людьми, и даже ред-

кие прохожие почему-то спешили, торопясь покинуть его.

Лена остановилась на углу.

— Все. Дальше ты не пойдешь.

— Почему?

— Потому.

— Если «потому», то я, наоборот, пойду, — сказал Алик и, взяв ее за руку, потащил вперед.

И в эту самую минуту, как в детективном фильме, из-за угла появились четверо.

Они приближались, и самый вид их и осторожный шаг были полны скрытого значения.

Это были друзья и телохранители Алика — Эдик Терещенко, Андрей Глазунов, Ленка Жургин и Юра Колганов.

Дойдя до перекрестка, они остановились, кто-то осторожно выглянул за угол.

Алик и Лена уже скрылись в проходе между дверями.

Здесь Лена снова сказала:

— Не надо, правда. Иди. Честное слово, я не буду считать тебя трусом. Это такие ребята, пойми... Тут уже был случай.

— Какой случай?

— Давно еще. До тебя.

— Это что, в прошлом году? Витька Бурыкин?

— Не будь любопытным.

— Хорошо.

— А ты ревнивый?

— Конечно.

— А говоришь, ревность — чувство собственности.

— Правильно.

— А что бы ты сделал, если бы я...

— Откуда я знаю. Убил бы, наверно.

— Ты? Убил? — Она почему-то обрадовалась. — Ты можешь убить?

— Конечно, а почему же нет!

— Ты? — Она смеялась и этим окончательно обидела Алика.

— Вот интересно! Ты как меня представляешь?

— Но ты же никогда не дрался.

— Откуда ты знаешь, дрался я или нет! Да я в детстве, если ты хочешь знать, с блатными ходил. Ты Эдика спроси!

Она глядела на него с веселым любопытством.

— Ну ладно, — буркнул он. — Поцелуй меня.

— Еще чего!

— Поцелуй, я говорю! — потребовал Алик.

И сам шагнул к ней. Пальцы его обхватили ее шею, потом соскользнули вниз к спине, и сильным движением он прижал ее к себе не отпуская.

И в это самое время четверо телохранителей вышли из-за угла и остановились в замешательстве, застав такую картину. И тут же, проявив деликатность, осторожно ушли обратно за угол.

— Пусти! — Она вырвалась. — Дурак, платье мне порвал!

— Хорошо!

— Не будь грубым, тебе это не идет, — сказала она обиженно и пошла к своему парадному.

Алик поспешил за ней.

Она вдруг пустилась бежать, и он едва догнал ее уже там, в парадном, когда она закрывала за собой дверцу лифта. В последний момент он успел войти за ней в кабину. Они стояли лицом к лицу, тяжело дыша.

Лена потянулась к кнопке лифта, но он перехватил ее руку. Она освободилась и снова хотела нажать кнопку, и снова он ей помешал. Так они молча боролись, глядя в глаза друг другу, и взгляды их были серьезные, а руки продолжали борьбу. И вот рука ее стала слабеть и уже почти прекратила сопротивление, а глаза стали испуганными, как вдруг кто-то там, снаружи, нажал ручку лифта и потянул дверцу на себя.

Это была пожилая женщина с кошелкой в руке. Она вошла в кабину, закрыла за собой двери и невозмутимо, не спросив, нажала кнопку. Лифт пошел вверх.

Женщина стояла к ним лицом, взгляд ее не выражал никакого интереса к этим двум молодым людям и их странному поведению. Ей нужно было подняться в лифте, и она поднималась. На своем этаже она вышла, за ней выскочила и Лена; Алик остался в лифте один...

Телохранители ждали его внизу, у ворот.

— Все? — спросил Эдик. — Пошли. Нет никого. Попрятались черти.

— Противник изменил тактику, — сказал Юра.

— Противник спит, — заметил Андрей. — Долго же ты, старик. Сколько можно?

— Ладно, кончай, — сказал Ленька.

Так они поговорили, закуривая по очереди от одной спички, потом задымили все разом и двинулись посреди улицы...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ленька жил в деревянном доме на тихой улочке позади больших корпусов. Калитка была закрыта. Ленька поднялся на цыпочках, пошарил рукой за забором, нашел в нужном месте железный пруттик и с его помощью, проделав сложные манипуляции, отомкнул калитку.

На крыльце он осторожно вытер ноги, потом вовсе разулся и в носках, крадучись, прошел в дом. Здесь было совсем темно, все спали. Медленно передвигаясь в темноте, Ленька добрался до противоположной двери, толкнул ее и оказался наконец у себя в комнате. Это был тесный закуток, где помещались кровать, стул, самодельный столик, на нем самодельный же радиоприемник без футляра и повыше — лампочка на кронштейне. Ленька зажег свет, поискал тихую музыку в приемнике и стал укладываться на ночь.

Эдика Терещенко ждали.

Уже по тому, что дверь открыл отец, а мать стояла тут же в передней и лица обоих были серьезные, Эдик понял, что на мир рассчитывать не приходится.

Он разулся — снял туфли с толстым слоем грязи на подошвах, поставил их в угол у самой двери, затем стащил с себя и повесил на вешалку плащ. Все это время родители наблюдали за ним, не проронив ни слова, и, когда он захотел пройти в кухню, молча пропустили его.

Они уселись за стол напротив и все так же молча смотрели, как он ужинает. Ел он жадно — выпил бутылку молока, принялся за котлеты. При этом он виновато глядел то на отца, то на мать, а они — на него, и трудно было понять, разразится ли скандал немедленно и как это все произойдет. Эдик продолжал смотреть с опаской, как затравленный зверь, но ел все смелее, потому что при всем том был зверски голоден, и мать, не меняя выражения лица, подложила ему еще котлету...

Алик жил с матерью в коммунальной квартире, в одной огромной комнате, перегородженной широким шкафом. Между шкафом и дверью стояла его кровать. В комнате было довольно светло — на улице, под самым окном, всю ночь неусыпно горел фонарь. Алик не стал зажигать света.

Он уже лег и свернулся под одеялом, когда за шкафом раздались осторожные шаги Марии Игнатьевны. Она вышла, накинув халат, и остановилась над постелью сына.

На стуле в беспорядке валялась одежда. Мария Игнатьевна сложила и повесила на стул брюки, сверху накинула куртку, рубашку убрала в шкаф. Она делала

это медленно, словно ощупывала каждый предмет, относившийся к сыну и его жизни. Затем она долго смотрела на него, не отрываясь. Алик спал или притворялся спящим.

ШКОЛА

Звенел школьный звонок... В десятом «А» окончился урок литературы. Писали сочинение.

Как всегда, кому-то не хватило времени.

— Все-все, — говорила Вера Дмитриевна. — Воеводина, собери, пожалуйста, тетради. Прошу не расковырять.

— А что будет?

— Кино! — отвечал бодрый голос с «камчатки».

— Классное собрание.

— Надька, не стой над душой!

— А какое кино?

— Все, хватит! — Надя вырвала у кого-то тетрадь...

В это время за первыми столами уже поднимались — в класс входил завуч, Виктор Васильевич.

Он был еще молод, носил модный пиджак с двумя разрезами и курил трубку.

— А где Галина Георгиевна? — спросил он поздоровавшись. — Вы ее предупредили?

— Она не придет, — сказала Вера Дмитриевна, складывая в стопку тетради.

— Ну-с, — Виктор Васильевич устроился за первым столом, — рассказывайте. Что вы там натворили?

— Натворили, — вздохнул в тишине Эдик Терещенко, сразу переходя на короткую ногу с завучем. — Сплошные неприятности, Виктор Васильевич. Преступление и наказание.

— Вы знали, что у вас урок химии? — спросил, не принимая юмора, Виктор Васильевич.

— И да и нет, — сказал Эдик.

— Встань, когда отвечаешь, — сказал Виктор Васильевич. — То есть, как это понимать? Знали и в то же время не знали?

— В том-то и дело! Мы уже начали играть там, во дворе, и тут нам говорят, что еще урок, мы-то думали: свободный...

— Ну и что?

— Неудобно же — прийти в середине... Она сама в таких случаях говорит: лучше не приходите.

— Кто «она»?

— Галина Георгиевна.

— Так-так. Значит, постеснялись? — не обращая внимания на смешок в классе, продолжал Виктор Васильевич. — И ты тоже постеснялся, Тихомиров?

— Да, — сказал Алик.

— Встань, пожалуйста.

Алик встал.

— Ну что, Тихомиров? — Виктор Васильевич рассматривал его с любопытством. — Вот уж от кого, по правде сказать, не ожидал...

— Почему ж это вы не ожидали? — спросил, выдерживая взгляд, Алик.

— Побежал за товарищами. Боялся отстать!

— Я, простите, ни за кем не бежал.

— За тобой побежали!.. Мда. Думал, выйдешь ты у нас в отличники, с медалью, а теперь даже не знаю... Теперь уж как решит Галина Георгиевна, придется ее хорошенько попросить...

Он продолжал смотреть на Алика, ожидая ответа. Алик молчал.

— Я могу сесть? — спросил он холодно-корректно.

— Нет уж, постой, — сказал Виктор Васильевич. — Постой, постой, братец.

— Я просил бы вас, — глядя в упор, произнес Алик, — если вам нетрудно, говорить мне «вы».

— Вот как, — слегка удивился Виктор Васильевич. — Ну что ж, это ваше право. Но вы не ответили на мой вопрос. Как вы расцениваете свой поступок?

Алик стоял, морща лоб. Вдруг он искоса поглядел на соседей, еще чуть-чуть повернулся и увидел Лену, поймав ее взгляд.

Потом он увидел, как смотрит на него с мучительным ожиданием Вера Дмитриевна.

— Я признаю, — сказал он, — что нарушил школьную дисциплину, и заранее согласен с любыми мерами, которые будут приняты по отношению ко мне.

— Хорошо, садитесь, — поморщился Виктор Васильевич. — Глазунов!

Андрей Глазунов встал.

— Может, вы мне объясните, что происходит с вами и вашими товарищами, — сказал Виктор Васильевич. — Вы, как староста, что вы думаете по этому поводу?

— Тут какое-то недоразумение, Виктор Васильевич, — спокойным голосом сказал Глазунов. — Я действительно не был на уроке, но мне пришлось идти к врачу, вот справка.

— К какому врачу?

— К главному. Там написано.

Это было неожиданно. Эдик вопросительно поглядел на Юру, Юра — на Алика, тот удивленно пожал плечами.

Виктор Васильевич извлек из бокового кармана элегантные роговые очки.

— Где взял справку?

— Справку я взял в поликлинике, — твердо проговорил Андрей. — Можете позвонить и проверить.

— Но тебя видели. Ты гонял мяч во дворе.

— Не знаю, кто мог меня видеть. Там указано время.

— Был он с вами? — спросил Виктор Васильевич, поискав глазами Эдика.

— Нет, — сказал Эдик.

Виктор Васильевич перевел взгляд на Юру Колганова.

— Нет, не помню, — сказал Юра.

— И вы не помните? — Виктор Васильевич смотрел на Алика. — Мда!.. Садитесь, Глазунов. — И когда Андрей уже сел: — Возьмите вашу справку. У вас хорошие товарищи.

Он опять смотрел на Тихомирова.

— Ну? — сказал он раздумывая. — Как бы вы поступили на моем месте?

— Вот уж не знаю, — сказал Алик. — Я, пожалуй, не хотел бы быть на вашем месте.

— Почему? — заинтересовался Виктор Васильевич.

— Так, — сказал Алик. — Можно, я не буду отвечать?

— Пожалуйста. Ну, хорошо. — Виктор Васильевич сунул в рот трубку. — Мы объявим свое решение. Все свободны. Идите.

— Тетради, тетради, все сдали тетради? — спохватилась Вера Дмитриевна. — Жургин, ты что? Ты еще не кончил?

Ленька поднял голову. Все это время он мучительно писал.

— Да, сейчас.

И нехотя отдал тетрадь.

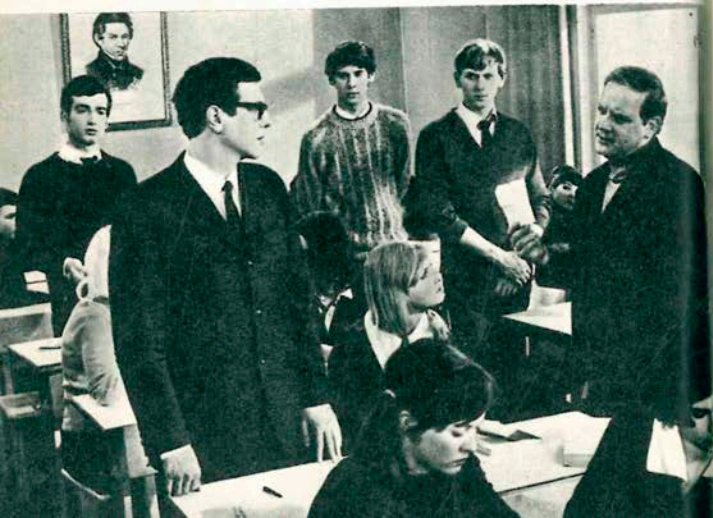
Класс быстро пустел. Алик схватил портфель и бросился догонять Лену. Виктор Васильевич все еще сидел за партой с трубкой в зубах.

Во дворе малыши гоняли мяч. Старшие выясняли отношения.

— Что за справка? Откуда? — допытывался у Андрея Алик.

— «Откуда», «откуда»! — огрызался Андрей. — Откуда все справки!

— А нам почему не сказал?

— А когда б я вам сказал? Видишь, он как сразу нагрянул!

— Но мы-то не доставали справок!

— Ну и зря. Сказали бы мне...

— Старик, что ты к нему пристал! — вмешался Юра, задерживая ногой мяч.

— И все бы четверо пришли со справками? — продолжал Алик. — Вот интересно! А в футбол играл Виктор Васильевич?

Юра уже послал мяч в дальний угол двора.

— Мы не доставали, значит, нам не нужно, — сказал Эдик. — Откуда ты знаешь, может, он мамы боится!

На этом дискуссия закончилась. Теперь мяч поймал Эдик и, обведя шестиклассника, отпасовал Юре, Юра — Андрею... Алик постоял в одиночестве и, кинув портфель, тоже включился в игру.

— Ребята, отдайте! Ребята! — бежали и хныкали шестиклассники, а один из них, самый боевой, пригрозил Алику: «Ну, смотри, ганец, выйдешь на улицу!» — за что тут же получил пинка.

Здоровые парни с детским упоением гоняли мяч, смеясь и визжа, забыв обо всем на свете...

МАТЕРИ

Мария Игнатьевна нашла по бумажке нужный дом, поднялась на лифте и, еще раз сверившись, позвонила.

Ей открыли.

— Мне Татьяну Михайловну, — сказала она женщине, стоявшей на пороге.

— Это я.

— Простите, я вас не узнала. Память зрительная... Здравствуйте.

— Здравствуйте, Вы... Алика мама?

— Конечно.

— Ну пожалуйста, пожалуйста... Да ничего, можно не вытирать... Вот сюда, пожалуйста, проходите...

Мария Игнатьевна оказалась в одной из двух комнат маленькой квартиры в современном доме, где жили «как все» — без излишества, но и без недостатка, все, что полагается, и к тому же в идеальном порядке. Хозяйка как раз занималась уборкой. Она бросила свои дела, усадила Марию Игнатьевну, сама села напротив. Перед этим она плотно прикрыла дверь, чувствуя, что разговор предстоит необычный.

— Лена в школе? — спросила Мария Игнатьевна.

— Да, — сказала женщина, уже слегка волнуясь. Ей было на вид лет сорок, не больше — милое лицо с правильными чертами, светлые волосы, убранные под косынку. — Много им сейчас задают, нагрузка такая, каждый день допоздна... Ваш-то поступать будет в этом году?

— Да, конечно, — сказала Мария Игнатьевна. — Все никак не решит: то ли инженерно-физический, то ли физмат, каждый день новые планы. А Лена?

— Не знаю. Может, годик еще подождем, подготовится. Не страшно — девочка...

— Я даже не знаю, с чего начать, — сказала Мария Игнатьевна. — Я долго думала, прежде чем решилась к вам прийти. Вы мне должны обещать, что этот разговор...

— Да, конечно, — сказала Татьяна Михайловна.

— Речь идет, как вы уже догадаетесь, о наших детях. О вашей Лене и моем Алике. Вы, наверно, знаете, что они довольно часто бывают вместе.

— Да. Алик приходит к нам, они тут иногда занимаются. Очень у вас парень способный. А рассуждает — послушаешь, ну прямо взрослый человек.

— Он и есть взрослый, — сказала Мария Игнатьевна. — Вообще-то я не знаю, удобно ли говорить, но я позавчера была в школе, на родительском, вас не бы-

ло. Мне одна родительница сказала, Эдика Терещенко мать, что там у них — у Алика с Леной — в общем, такие отношения, которые могут перейти в серьезные, если уже не перешли, вы понимаете меня? Сейчас много пишут об акцелерации. Это значит, что теперешние подростки — они рано взрослеют, и семнадцатилетний парень по развитию, как двадцатилетний, а девушка — тем более. Смешно, что школа этого не учитывает. Так вот, — Мария Игнатьевна заметно волновалась, — поймите меня правильно: у меня — мальчик, я бы, в общем, могла и не беспокоиться, с мальчиком все проще, но мне не хотелось бы, чтобы сейчас, пока они еще не понимают своей ответственности...

— Да-да, — закивала Татьяна Михайловна. — Это — конечно. Я вас очень хорошо понимаю.

— Я знаю, что они встречаются... нет, противное слово... ну, в общем, видятся гораздо чаще, чем мы с вами думаем. Практически каждый вечер. Он раньше мне

все рассказывал, я всегда была в курсе его дел... Мы ведь одни, без отца... Теперь, последнее время, я вижу — он замкнулся и совершенно не бывает дома...

— Уж не знаю, где он у вас бывает, — сказала вдруг Татьяна Михайловна. — Леночка дома всегда. Иногда, верно, заходят товарищи. Я ей постоянно говорю: хотите собраться — пожалуйста, собирайтесь у нас, места, слава богу, хватит, пожалуйста... Уж не знаю, чего вам там наговорили.

— Нет, мне ничего особенного не говорили, просто я полагала, что мы со своей стороны должны присмотреть за ребятами. Я как раз очень приветствую их дружбу, но в этом возрасте, согласитесь, можно надевать глупостей... Люди постарше не всегда бывают разумны в таких вопросах...

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказала Татьяна Михайловна, — о каких глупостях. У меня Лена ни к каким глупостям не приучена, любой вам скажет — хоть соседи, хоть кто... Исключительно скромная девочка, весь дом знает, и где мы раньше жили. Мы ведь тоже, знаете, без отца, и у меня работа такая — официантка, это ведь известно многие как рассматривают — хочешь, не хочешь, а грязь пристанет. Я ее всю жизнь учу, вот с таких лет: как ты с людьми, так и люди с тобой...

— Вы меня, наверно, не так поняли, — сказала Мария Игнатьевна. — Я ведь тоже знаю Леночку и ничего, кроме хорошего...

— Вот-вот. Именно. А эти Терещенко... это же, знаете, он там какой-то начальник — машина, санатории, домработницы, сама — с книжечкой на диване... Вот откуда разврат-то и идет: сошелся, разошелся...

— Вы это напрасно, — мягко возразила Мария Игнатьевна. — Я бы лично и сама с удовольствием — с книжечкой на диване, была бы такая возможность. И домработницу бы взяла...

— Не знаю. Мы народ простой, у нас это не заведено, — сказала Татьяна Михайловна. — Брат у меня полковник, слава богу, получает хорошо, и она работает, двое детей, и все — сама...

Мария Игнатьевна не стала спорить.

— Ну хорошо, — сказала она поднимаясь. — Я очень рада, мы с вами славно поговорили. Будем надеяться, все будет хорошо.

— Будем надеяться... Вы куда же? — удивилась Татьяна Михайловна. — А чаю? У меня чайник стоит.

— Да нет, спасибо, я ведь с работы удрала, надо идти... У меня к вам просьба. Пожалуйста, о нашем разговоре...

— А вы считаете, у них это... серьезно? — спросила вдруг Татьяна Михайловна.

— Кто знает... Они же нас не спрашивают, правда? Решат за нас, и все: и мы с вами родня.

— Да нет, вряд ли. Она умная, возьмет себе мужа постарше, зачем за мальчишку-то, тоже мне радость. — И Татьяна Михайловна критически оглядела Марию Игнатьевну, словно сама Мария Игнатьевна и предполагалась в женихи. — Заходите, пожалуйста. Звоните, если что... Всего наилучшего... Подождите, у нас лифт можно вызвать...

— Ничего, — сказала Мария Игнатьевна. — Так быстрее. — И пошла вниз пешком, стуча каблукками.

СОБЛАЗНЫ

Ленька Жургин дрался на ринге.

Он загнал в угол противника и молотил его перчатками, пока тот не ответил довольно сильным ударом, от которого Ленька отскочил в сторону.

Трибуны бушевали.

Ленька собрался с силами и пошел, шатаясь, вперед,

но в это время ударил гонг, и противники разошлись по углам, тренеры набросились на них с полотенцами.

На трибунах оживленно обсуждали ход матча.

Ленькины болельщики из десятого «А» предсказывали победу своему фавориту:

— Ничего, терпение! Ленька начинает с третьего раунда!

— Но у того — сила, смотри!

— Сила — ерунда. В боксе решает тактика!

— Где это ты вычитал, гонец? (Они иногда называли друг друга гонцами.)

— Нигде не вычитывал, гонец, азбучная истина!..

Тут были и Алик с Эдиком, и Юра Колганов, и Андрей Глазунов, и еще несколько ребят из их класса, и даже девушки — Надя Воеводина с Альбиной Савицкой. Надя говорила, как всегда, громче всех:

— Леньку надо разозлить, он когда не злой — он не дерется. Вот зимой, помните, — вот это был настоящий нокаут!

— Где вы видели настоящий нокаут, девушка? — вмешался в разговор пожилой мужчина с биноклем. — Я давно уже не видел приличного нокаута.

— Правильно, папаша! — поддержал незнакомца Эдик. — Бокс уже не тот, что был. Помните — Джим Добкинс, вот это был бокс!

— Добкинс? Негр, что ли?

— Мулат, — подмигивая друзьям, объяснил Эдик. — Выступал в тяжелом весе, потом похудел... А этот бой с австралийцем, а? Как тот его взял измором?..

— Во втором раунде, — оживился мужчина с биноклем.

— Во-во! Только не во втором, а в третьем! — развлекался Эдик. И вдруг закричал: — Леня, давай!

Это снова начался бой. Ленька и его противник, бело-брысый парень, пританцовывали на месте, примеривая друг к другу свои будущие удары.

— Ну! ну! — закричал вслед за Эдиком владелец бинокля.

Ленька продолжал топтаться, теперь в наступление пошел соперник. Он первый нанес удар, получил от Леньки ответный, потом руки их сцепились, подлетел рефери со свистком и развел их в стороны, потом все началось сначала.

— А вы за кого болеете, папаша? — осведомился Андрей.

— Я за Свирского.

— Так он же не дерется.

— Вот в том-то и дело. Если выиграет Жургин, тогда они встретятся со Свирским, а Белоусов — с Поташиновым, это меня не устраивает.

— Если выиграет Жургин, он сразу мастера получает, — объяснил человеку с биноклем Андрей. — Неужели вы против, чтобы он мастера получил? Он в этом году школу кончает.

— Ну и что? А при чем тут школа?

— Ну, папаша! Вам все надо объяснять!.. Давай, Леня!..

События на ринге бурно развивались, Ленька брал верх, и теперь все сразу — Андрей, Юра, Надя и Алик с Эдиком — закричали в один голос:

— Леня, Леня!

И человек с биноклем тоже, глядя на них, закричал:

— Давай, Леня, давай!..

— С такими кулаками не пропадешь! Учти, старик! Дерись, но не зазнавайся!

— Главное — не зазнавайся! И помни, кто тебя воспитал!

— Коллектив!

— Вот именно, коллектив! И, прежде всего, сохраняй форму, понял? Не пей и не ешь!

Ленька Жургин, уже усталый и счастливый, как и полагает победителю, сидел за столиком среди ближайших друзей. Вокруг шумел ресторан.

Это был старый, монументальный ресторан с мрачными колоннами и сверкающими люстрами, где скромные школяры казались себе совсем маленькими и потерянными. Танцующие пары проплывали рядом, официанты проходили мимо не останавливаясь.

Распоряжался Эдик:

— Спокойно, ребята, главное — не вертеться. Я с вами, вы — со мной, сейчас все будет в порядке. — Он сосредоточенно собирал и считал деньги — у кого что было: рубли, мелочь и целый трешник, мелко-мелко сложенный, который он извлек из кармана.

Подошел молодой официант.

— Так, пожалуйста, — сказал Эдик, — записывайте. Впервые, значит, так: пить много не будем — одну сухого, одно шампанское. Ну, холодненькое что-нибудь. Надеяться тоже не будем. Тут у нас все спортсмены, надеяться вредно. Только по-быстрому, отец: одна нога здесь, другая — там...

Официант бросил на него выразительный взгляд и удалился. Эдик достал из кармана пачку «Столичных» и закурил. Он был доволен собой.

Алик тянул его за рукав.

— Слушай, ты бы хотел иметь много денег?

— Конечно, — сразу сказал Эдик. — А ты нет?

— Деньги дают независимость, понимаешь. Захотел — уехал... Ну и все прочее. Слушай, давай заработаем, серьезно, у меня есть план.

— Давай, — удивился Эдик.

— Противно, слушай, брат у матери рублевку, ты не согласен?.. Кто это сказал: я могу обойтись без необходимого, но не могу — без лишнего, не помнишь?

— Кто-то сказал, — рассеянно подтвердил Эдик.

— Я бы их, черт возьми, швырнул направо-налево! — распалился Алик и обвел глазами шумный, пьющий и танцующий зал.

Вспомнил о девушках — Наде и Альбине.

— Потанцуем?

Девушки отказались. Что-то в предложении Алика даже рассмешило их...

Между тем на столе уже появились две бутылки и все, что к ним полагалось, в том числе хлеб в изобилии — официант знал, с кем имеет дело.

Теперь вниманием наших друзей завладел некий незнакомый человек, сидевший в одиночестве за одним из соседних столиков. Его крутая спина и могучий затылок говорили сами за себя. Сидел он развалившись, вытянув ноги, в позе усталого созерцания. Перед ним сутелился официант.

— Слушай, кто такой? По-моему, спортсмен. Лицо знакомое. Акимов, нет?

— Какой Акимов? Футболист?
— Да не футболист, боксер. Экс-чемпион, первая перчатка.

— Похож вроде, — подтвердил Ленька.

— Смотри, как расселся.

— А чего ему? Вот есть люди... мой отец, например, — придет в ресторан и на чай даст как следует, а все равно нуль внимания. А этот — сорок копеек в кармане — и король.

— Ну уж сорок копеек, сказал! Ты костюмчик посмотри.

— Костюмчик ничего. Дакрон.

— Так он уже давно не дерется.

— Еще лучше. Ездит небось с командами. Москва — Париж.

— Кулаки.

— А при чем здесь кулаки? Локти!.. Смотри-смотри!.. Знаменитость, словно чувствуя на себе взгляды, обернулась в сторону ребят.

— Здравствуйте! — поклонился издали Ленька.

Знаменитость кивнула и поманила Леньку пальцем.

— Меня? — удивился Ленька. И пошел.

— Да он его знает, — объяснил Юра. — Видел на ринге.

Чемпион встал из-за столика и в сопровождении Леньки подошел к ребятам.

— Вот, знакомьтесь, — смущенно проговорил Ленька.

— Не помешаю? — спросил чемпион и опустился на Ленькино место. Ленька пошел за стулом. — Простите, ваша имя?

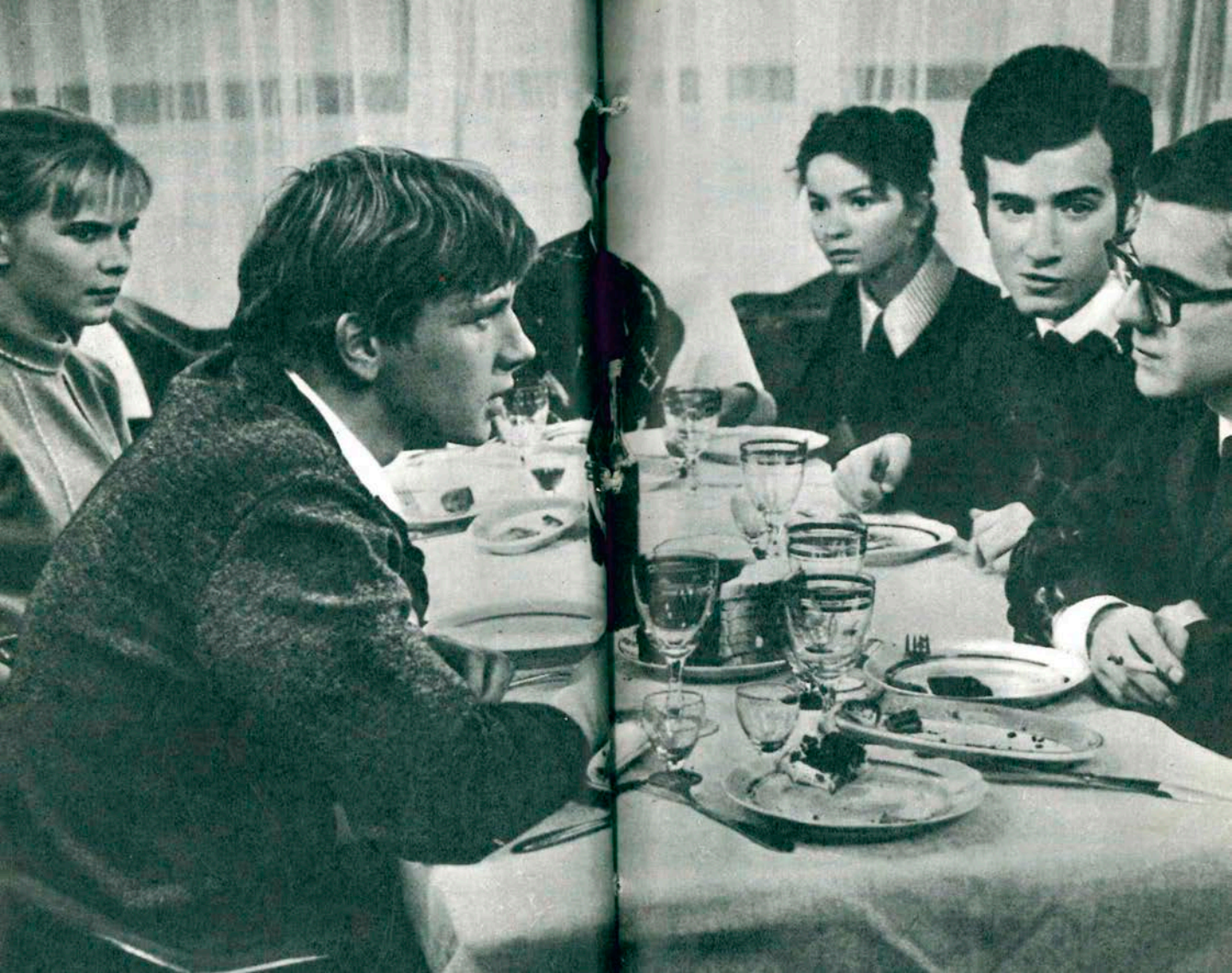
— Альбина.

— Хорошее имя, — одобрил чемпион. — И к вам подходит, вы как раз беленькая. А то бывает Светлана, а глядишь — брюнетка. Что вы пьете? Сухое, коньяк?.. — И поманил официанта. — А ваша подруга?

— Я не пью, — сказала Надя.

— А вы?
— Спасибо,— сказал Алик.
— Спасибо — нет или спасибо — да?.. Выпьем
Леонида. Он сегодня вполне заслужил. Дрался хорошо,
ничего не скажешь. Во втором раунде немножечко про-
редержал, а так хорошо. Реакция — молодец.— И чемпи-
он любовно поглядел на Леньку.— Можешь выпить,
ладно, разрешаю. Немножко сухого... Будь здоров!
— Спасибо,— все еще смущался Ленька.
Чемпион подсел к нему поближе.
— Учишься, работаешь?
— Школу кончаю,— сказал Ленька.
— Десятый класс,— заметил чемпион. — Ну и что
дальше решил?
— Пока смутно.
— Смутно,— повторил, задумавшись, чемпион. — Ка-
у тебя дело с языком, с иностранным?
— Ничего.
— Ничего — это тройка?
— Четыре...
— Угу,— все еще раздумывал чемпион.— Есть одна
предложение. — Он подозрительно оглядел компе-
нию.— Ты как насчет института восточных языков?
— А что за институт, я не знаю,— сказал Ленька.
— Ну как не знаешь, привет! — вмешался Андрей.
Это где Женька Макаров учится...
— Хороший институт,— сказал со значением чемпи-
он.— Не пожалеешь. По двадцать человек на место
учти.
— А там у вас что, только бокс котируется? Или
другие виды тоже? — спросил Юра. — А то вот, я слы-
шал, в геолого-разведочном, там — футбол. Принима-
ют в основном форвардов...
— А в институте связи — фигурное катание,— про-
должал Алик.— В театральном — стрельба, в рыбно-
ном — плавание!..

— Очень возможно,— не моргнув глазом, подтвер-
дил чемпион.— Болельщики — это такой народ сума-
шедший... Ну смотри, подумай,— сказал он Леньке.—
Вот возьми телефон.— И записал на салфетке.— Кон-
чишь экзамены, позвони. Это — кафедра физкультуры,
это — домашний...
— А как вас зовут? — спросил Ленька.
— Да просто Володя.
— Неудобно.
— Ничего, удобно.
— Послушайте, Володя,— сказал Алик, — я забыл
вас предупредить: это моя девушка.
— Которая? — удивился чемпион.
— Вот которую вы пытаетесь обнять.
— А! Ну пожалуйста, дорогой! — Чемпион был на-
строен в высшей степени миролюбиво. — Пожалуйста!
Я вас не обидел? — спросил он у Альбины. И уставился
на Алика. — А ты хороший парень. Это мне нравится.
— Что вам нравится?
— Вот что умеешь за себя постоять,— объяснил чемпи-
он.— Это хорошо. Я этих скромных не люблю. Сам
не скромный.
— Это точно,— не останавливался Алик.
— А что ты думаешь: скромность это что, заслуга,
что ли? Много ты видел великих людей, чтоб были
скромные? Черта с два! Вы мне найдите такого. Скром-
ного гения. Чтобы другим уступал дорогу. Он идет —
ему уступают, понял?
— Это интересно — то, что вы говорите, — заметил
Алик.
— А я всегда интересно говорю,— сказал чемпион.
И вдруг почему-то обиделся. Или заскучал. Подозвал
официанта:
— Сережа! — И обвел рукой стол. — Запишешь на
моей счет... Гуд бай. Хорошо посидеть! — пожелал чемпи-
он и удалился тяжелым шагом.

— Вот это да! — сказал Эдик. — Москва — Париж! Так он просто, я погляжу, преподаватель физкультуры!

— Ты все равно, старик, не теряйся, — сказал Леньке Андрей. — Институт что надо. Азия, Африка, Черный континент пробуждается, слышал?

— Слушай, гонец, ты не обидишься? — вдруг сказал Алик. — Ты сегодня, по-моему, поступил неважно. Даже, я тебе скажу, подло поступил. Усекаешь?

— Нет, не усекаю.

— С этой справкой, — сказал Алик. — От глазного врача.

— Скажи, какие мы честные! Мы никогда не носили липовых справок! — усмехнулся Андрей.

— Старики, кончайте, — сказал Эдик. — Президент, я вас не узнаю. Что за мелочи!

— Мальчики, пожалуйста! — взмолилась Надя.

— Какие мы принципиальные, — продолжал Андрей, сверля Алика своими чистыми голубыми глазами. — Мы никогда не кривим душой! Завтра только пойдем извиняться перед химичкой, чтоб не испортила нам аттестат. Ничего, извинимся. И соврем, если нужно! Леночка Прохорова, бедняжка, думает: ах, какой он у меня рыцарь, прямо Дон-Кихот, провожает меня один и не боится...

— Ребята, только не здесь! — забеспокоился Эдик. — Если хотите подраться...

— Да не хотим мы подраться, у нас просто разговор по душам! — продолжал Андрей, уже беря верх и наслаждаясь своей победой. — Да, я достал справку, ну и что? А может, мне нужна чистая характеристика? А может, я поступаю в такой институт, где на это смотрят?

— Ты? Поступаешь? Ребята, он поступает! — изумился Эдик.

— А вы что, не собираетесь поступать? — наслаждался Андрей. — Вы что, об этом не думаете? Ах, ка-

кие они беспечные, ни о чем они не думают!.. Ты бумажку-то куда спрятал? — напал он на Леньку.

— Какую бумажку?

— Ну эту, с телефоном.

— Вот она. — Ленька ткнул пальцем в карманчик на груди.

— Вытащи! — сказал Алик. — Давай сюда.

Он расправил салфетку с номером телефона.

— Ну что, — спросил он, — как решим, старики?

И, не дожидаясь ответа, чиркнул спичкой.

Салфетка горела в пепельнице посреди стола.

УЧИТЕЛЯ

— «Когда он взлетал в небо и видел с огромной высоты нашу планету, — читала вслух Надя Воеводина, — она казалась ему еще прекраснее, и все мелкое, будничное отступало перед этой красотой Земли. Он так и назвал ее — Планета людей...».

Шел урок литературы.

Вера Дмитриевна по давней привычке стояла в углу у окна. Десятый «А» внимательно слушал. Надя читала:

— «Планета людей!.. То есть наша Земля, где все предназначено для рода человеческого — горы, и моря, и пашни, и города, созданные трудом поколений... И значит, стоит жить ради того, чтобы Планета людей стала еще прекрасней. Так жил и погиб мой любимый герой-летчик и писатель Сент-Экзюпери...»

— Очень хорошо, — сказала Вера Дмитриевна. — В этой работе, не в пример многим другим, есть личное отношение к тому, о чем пишет автор...

— Молодец, Надя! Талант! — сказал с места Эдик.

— Молодец, — согласилась Вера Дмитриевна. — Вот у тебя, Терещенко, получилось типично школьное

сочинение. Много общих фраз — ты посмотри, я их тебе подчеркнула — и мало, к сожалению, твоих собственных мыслей о твоём герое. Почему именно Александр Матросов? Как ты лично рассматриваешь его подвиг?.. Садись, Надя... — Вера Дмитриевна перебирала столку тетрадей. — Савицкая!.. Ты о ком писала?

— О Данко, — сказала Альбина.

— О Данко, ага. — Тетрадь наконец нашлась. — Написано, в общем, неплохо. Старайся писать проще, избегай таких выражений... — И Вера Дмитриевна прочла: «И его сердце, пылавшее неукротимым пламенем любви к народу...»

Сзади кто-то хихикнул.

И кто-то бросил записку.

— Тихомиров, — сказала Вера Дмитриевна, и Алик, только что пославший записку, вздрогнул от неожиданности и поднял голову. — Молодец, если не считать запятых, — сказала Вера Дмитриевна. — С запятыми просто беда. Где надо и где не надо. А по содержанию — хорошо. Рахметов показан правильно. И воля его и внутренняя дисциплина. Целеустремленность — через одно «н». Спешил, наверно...

Эдик Терещенко осторожно развернул записку.

«Сразу после звонка идем извиняться» — сообщалось в ней размашистым почерком.

— Учите, — продолжала Вера Дмитриевна, — на выпускных экзаменах всегда бывает одна или две вольные темы, и многие хватаются за них как за самое доступное. И глубоко заблуждаются... Прохорова! Хорошо! Про самообладание и чувство гордости — все написано правильно...

Лена Прохорова шла по коридору; ей навстречу неслись резвые пятиклассники — кто-то бросил портфель, кто-то поймал его на лету и упал не удержавшись; на

упавшего тотчас налетели еще двое; с визгом убежали от кого-то девчонки в одинаковых школьных платьицах — началась перемена!

Лена шла, не останавливаясь. Уже на лестнице ее нагнал Алик.

— Ты куда? — спросил он, тронув ее за руку.

— Домой.

Он стоял у перил, а она продолжала спускаться — и вот уже оказалась этажом ниже.

— Подожди! — крикнул он и настиг ее снова.

Теперь, обогнав, он преградил ей дорогу.

— Ну что? — спросила она равнодушно.

Он смотрел на нее с тревожным недоумением.

— Как прикажете вас понимать?

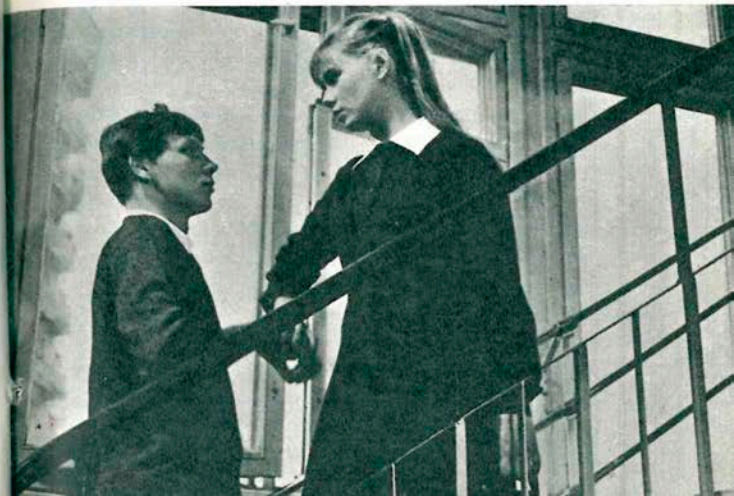
— Никак не понимать, — проговорила она, пожав плечами. — Зачем обязательно все понимать?

— Ленка, ты что? — спросил он почти испуганно.

— Пусти, — сказала она. — Мне надо идти.

И снова сошла вниз, и он снова шел за ней следом.

— Алик! — позвали сверху. — Тихомиров!

Теперь она остановилась и, подождав его, подпустив совсем близко, сказала:

— Ты не обижайся. Но я не хочу ничего, понимаешь. Все эти разговоры...

— Какие разговоры?

— В общем, ничего не надо. Понимаешь? — Она наконец посмотрела ему в глаза. — И не бегай за мной. Пусти.

— Не пусти! — сказал Алик и решительно схватил ее за руку. Она смотрела в испуге. — Дай мне слово, что ты подождешь. Я недолго... Внизу, на скамеечке. Да?

— Да. Пусти.

Он наконец отпустил ее, и она побежала вниз не оглянувшись.

...А Алик направился в учительскую.

Его друзья, Эдик и Юра, уже стояли здесь, в конце просторной комнаты, заставленной столами и шкафами. Рядом с ними, отвернувшись к окну, стояла Галина Георгиевна — учительница химии.

— Вот и Алик, — сказал Юра.

Галина Георгиевна обернулась рассеянно, кивнула Алику и продолжала смотреть в окно.

Ей было лет двадцать восемь — тридцать, была она хороша собой и, в отличие от старших своих коллег, не чуждалась моды.

— Галина Георгиевна, — произнес Алик краснея, — я тоже хочу... принести вам свои извинения. Получилось действительно очень глупо...

— Вот и мы говорим: глупо! — с жаром подхватил Эдик. — И главное, сами во всем виноваты. Вы уж нас, так и быть, простите...

Галина Георгиевна потянулась к столу за сумочкой, достала сигареты и зажигалку, закурила. Кажется, сама она смущалась не меньше, чем они.

— Поверьте, этот случай... наше поведение... — продолжал Алик, с трудом подыскивая слова, — ну, в об-

щем, вы понимаете, не выражает нашего отношения к вам...

— Надеюсь, — сказала Галина Георгиевна. — Я-то, видите, считала, что вы любите мой предмет.

— Конечно, Галина Георгиевна! И предмет и вас лично! — выпалил Эдик.

Ребята осторожно засмеялись.

Галина Георгиевна усмехнулась уголком рта и все так же, не глядя на них, боясь рассмеяться или заплакать, сказала:

— Ладно, ладно, идите.

Примирение состоялось. Эдик, просяя, уже кивнул друзьям, что пора уходить. И в этот момент совсем рядом, за спиной, послышался мужской голос:

— Ну вот, видите, какой сознательный народ. А вы им хотели отметки снизить.

Это завуч, Виктор Васильевич, с трубкой в зубах, смотрел на них и улыбался. Дверь учительской то и дело открывалась. Вошел высокий географ с указкой, как с бильярдным кием, в руке. Сам Виктор Васильевич склонился над столом и накручивал диск телефона.

— Да, кстати, Галина Георгиевна, — громко заявил Алик, — будет вполне справедливо, если вы нам все-таки снизите балл. Я, во всяком случае, прошу вас об этом.

— Ну зачем же, — пробормотала Галина Георгиевна, — будем надеяться, что до конца четверти...

— Нет-нет, пожалуйста, это наша просьба, — настойчиво продолжал Алик. — До конца четверти осталось совсем немного.

— Ну, если он так просит! — засмеялся Виктор Васильевич.

— Я обычно сама решаю, кому какие ставить отметки, и не советуюсь об этом с учениками, — твердо, уже справившись со смущением, заявила Галина Георгиевна и, захватив свою сумочку, направилась к двери. Разговор был окончен.

— Тихомиров! — окликнул Алика молодой человек в нарядном свитере, преподаватель физкультуры. — Ты мне когда сдать бег на стометровку? Смотри!

— Тихомиров, пойте! — Это уже Виктор Васильевич остановил Алика посреди учительской.

Алик покорно подошел к его столу. Эдик и Юра остались стоять поодаль.

— Вы за что на меня сердитесь? — спросил Виктор Васильевич, расставшись с телефоном и присев на кончик стола.

— Я не сержусь на вас, — сдержанно ответил Алик.

— Ну, неправда. Я вас чем-нибудь обидел, наверно. Глаза его смотрели пристально, в упор, с их обычным насмешливым выражением.

— А вот вы меня обидели, Тихомиров, — продолжал

он спокойно. — Вера Дмитриевна свидетель, — и поглядел в сторону Веры Дмитриевны, которая тоже оказалась в учительской, у шкафа с журналами. — Вы заявили, что не хотели бы быть на моем месте. Я это понял как вызов, вы уж меня простите. Или, может быть, я не так вас понял?

— Виктор Васильевич, не стоит уж нам поминать старое, — заступилась за Алика Вера Дмитриевна. — Ребята все осознали, вот даже Терещенко у нас подтянулся, и Колганов...

— Ну, если даже Терещенко! — улыбнулся Виктор Васильевич, и Эдик ответил ему своей чистосердечной обезоруживающей улыбкой.

— И сочинения хорошие написали все трое, — продолжала Вера Дмитриевна.

— Я не знаю, как вы меня поняли, — сказал вдруг Алик. — Я не собирался бросать вам какой-то вызов. Силы наши неравны. — Он посмотрел на Виктора Васильевича. — Но если уж зашел разговор, хотите правду? Я и в самом деле не желал бы быть на вашем месте. Ведь вы, когда поступали в университет, вы, наверно, строили какие-то планы, верно? Вы ведь не думали, что будете в школе? Вряд ли это ваше призвание. Так мне показалось. Так вот я надеюсь, — он поднял глаза на Веру Дмитриевну, на ребят, увидел их замершие лица, — я надеюсь, что мне удастся избежать такой судьбы. Человеку свойственно надеяться, — добавил он, как бы извиняясь. — Простите, если я не то сказал...

— Ничего, пожалуйста, — Виктор Васильевич глядел на него пристально, разжигая трубку.

— Ну, ты не умрешь от скромности, Алик! — заметила Вера Дмитриевна.

— Возможно, — тут же отпарировал Алик. — Я ведь не считаю скромность великим достоинством. Люди, перед которыми вы преклоняетесь, они ведь не были скромными. Даже Рахметов... И, кстати, насчет Рахме-

това. Я написал неправду. Он мне никогда особенно не нравился. И то, что он спал на гвоздях, это, по-моему, не от большого ума...

— Ты это напрасно, Алик! — растерялась Вера Дмитриевна.

Но Алик уже несся на всех парах неведомо куда и зачем:

— Я даже, честно говоря, не знаю, кто мой любимый герой. Еще не решил. Так что не ставьте мне пока никакой отметки. Простите.

И Алик вышел из учительской.

Ребята — Юра и Эдик, — совершенно растерянные, пожимая плечами, поплелись к двери. Уже у выхода, обернувшись, они увидели Виктора Васильевича, — он сидел на кончике стола и спокойно пыхтел трубкой. Вера Дмитриевна и географ почему-то смотрели на него с изумлением.

А Алик уже летел по лестнице вниз, размахивая портфелем.

Во дворе Лены не было.

Не было и в вестибюле.

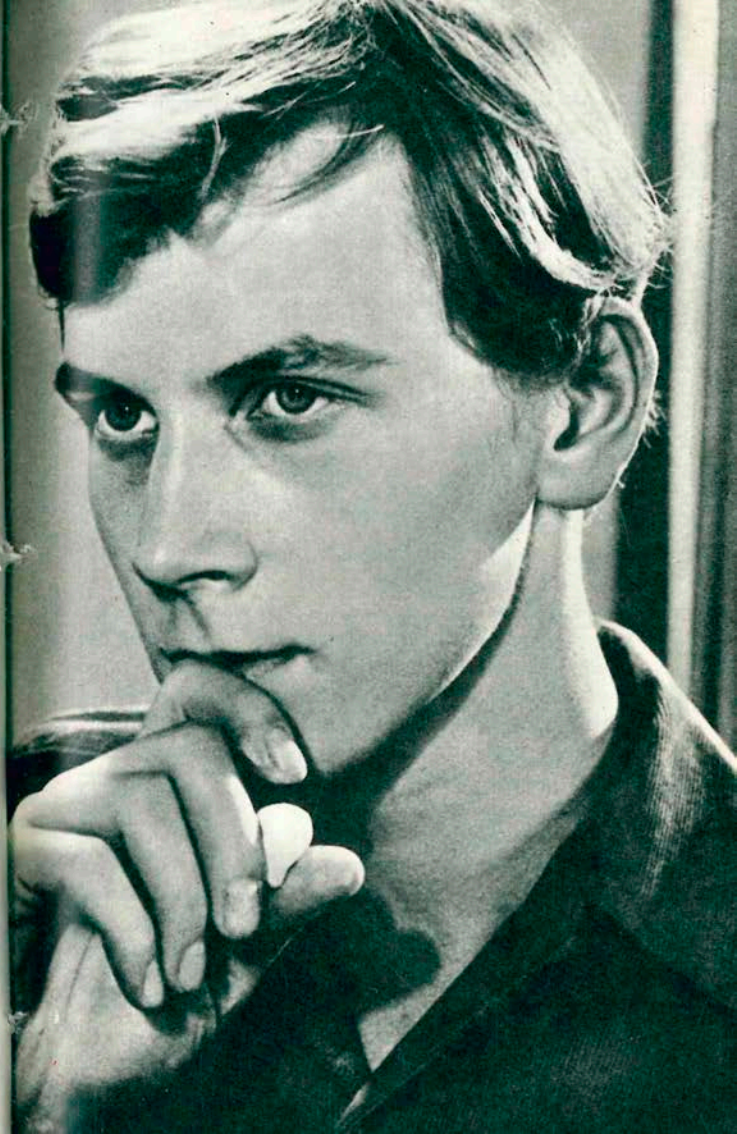
— Ушла, ушла, — сказала, поглядев на Алика, гардеробщица тетя Клава.

В палисаднике у школы мирно играли малыши. Скамейка была пуста.

Алик выбежал на улицу.

Постепенно он замедлял шаг.

Он больше не спешил.

РОД ЗАНЯТИЙ

Алик и Эдик возвращались из школы. Они брели по улице разболтанной походкой старых школяров, окончивших на сегодня уроки, и старые, потрепанные, бог весть чем набитые, отслужившие свой срок портфели

(по которым всегда можно узнать десятиклассников) болтались у них в руках.

И хотя они шли так, словно блуждали без всякой цели, цель на самом деле была, и вот они вскоре остановились у дверей почтового отделения; здесь Алики посмотрел на Эдика, а Эдик на Алику, и затем оба решительно шагнули внутрь.

Пожилый человек в кителе с петлицами поднял голову от бумаг.

— Мы по объявлению, — сказал Эдик. — Вот я и он.

— Хорошо. Пройдите. Вон оттуда.

И Эдик с Аликом оказались по ту сторону стойки, у стола.

— Паспорта с собой? — спросил мужчина.

— Да, — сказал Эдик.

— Студенты?

— Да.

— Справку из института.

— А можно без справки? — вежливо спросил Эдик.

— А в чем дело?

— Знаете, у нас... сложные отношения... там, с деканатом, — постепенно придумывал Эдик. — Если можно, то пожалуйста.

— Можно, можно, — сказала женщина, работавшая за соседним столом. — Паспорта у них есть?

— Есть, есть, — сказал мужчина и полез в ящик. — Вот, заполните.

— Это что?

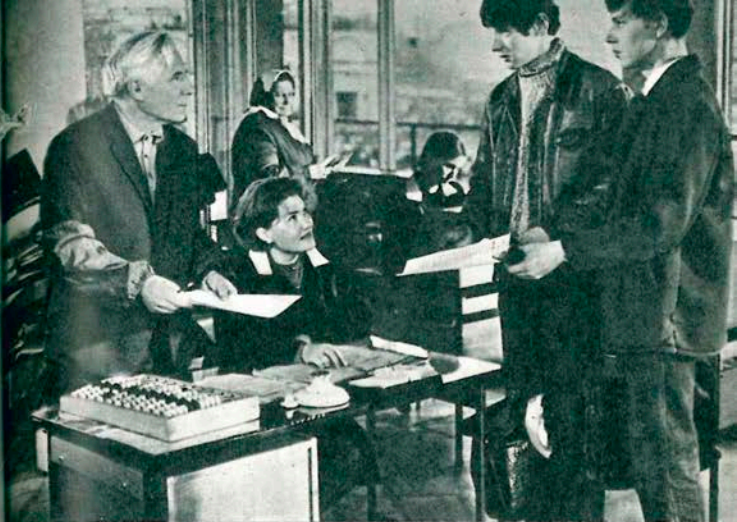
— Анкеты? Ага, понятно.

Они вертели в руках эти широкие листы с графами вопросов и ответов. Они держали их впервые в жизни.

— Завтра к шестнадцати часам. Работа — от шестнадцати до двадцати, один выходной. Устраивает?

— Да.

— Ну хорошо.... До завтра. Будут еще вопросы? — спросил мужчина, видя, что ребята все еще не уходят.

— Насчет оплаты вы им сказали? — догадалась женщина.

— Да, насчет оплаты...

— Да не важно, — смутился Алики.

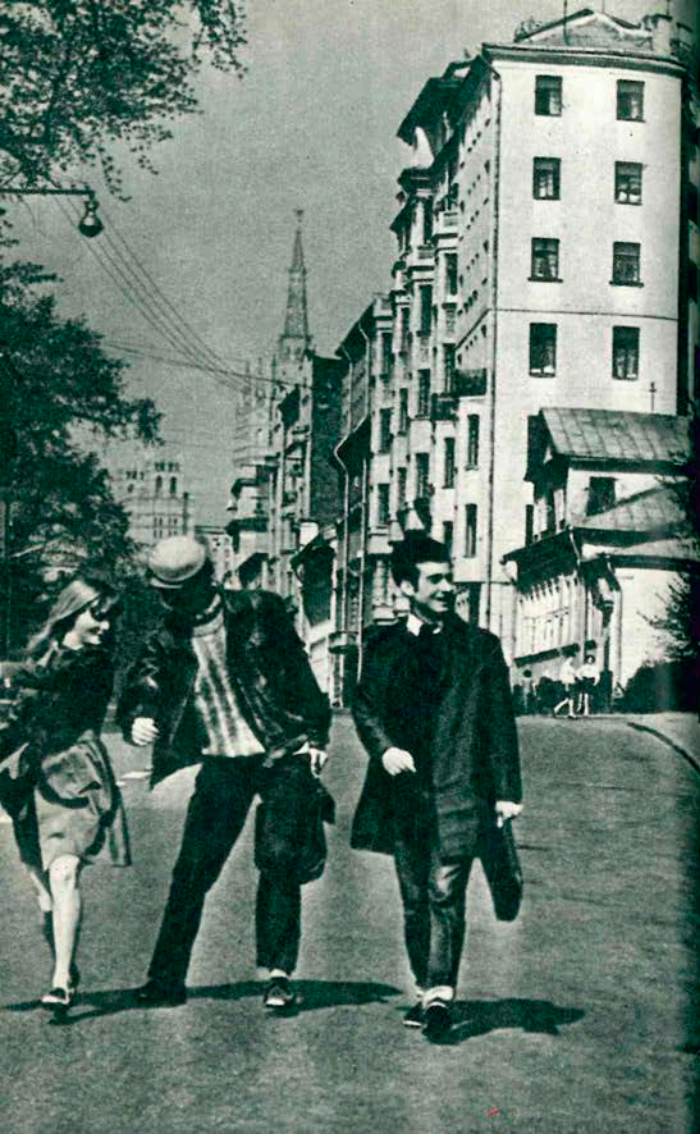
— Ну как — не важно! Ты что же, задаром будешь, от нечего делать? Сорок два рубля плюс прогрессивка... Устраивает?

— Да-да.

— Небось стипендия-то маленькая...

— Да нет у них стипендии, Павел Кузьмич, — объяснила женщина. — Школьники они, десятый класс. — И указала пальцем на портфели, которые они, войдя, приставили к ногам. — Но ничего, можно их взять, попробуем, приходите, ребята...

Вся почта уже смотрела на них и слушала этот разговор: и девушки, работавшие за своими столиками, и граждане, отправлявшие заказные бандероли, и оче-

редь за письмами до востребования... Алик и Эдик выбрались из-за стойки и, таща свои портфели, с анкетами под мышкой устремились к выходу.

ОЗЕРО МИЧИГАН

Утром в толпе на троллейбусной остановке Алик встретил Лену.

Похоже, что она специально ждала.

— Ленка! — закричал Алик и схватил ее портфель. — Садимся?.. Побежали?

Но они пошли пешком по широкой, уже зеленевшей, залитой ослепительным апрельским солнцем улице. Лена то прибавляла, то замедляла шаг, и Алик никак не мог пристроиться рядом; их то и дело разъединяли спешащие мужчины, школьники, женщины с сумками для продуктов — пешеходы утренней Москвы. Когда в очередной раз он настиг Лену, приспособился к ее шагу и для верности взял ее за руку, Лена вдруг пошла медленнее и предложила:

— Не будем спешить?

— Не будем! — согласился он сразу.

— А сколько времени?

— Пойдем ко второму.

Приняв такое решение, они с облегчением остановились и впервые посмотрели друг на друга.

— Поехали куда-нибудь, — сказал Алик.

— Далеко?

— Можно и далеко.

— А уроки?

— А что уроки!

Она смотрела на него с сомнением.

— Я вас не узнаю, Тихомиров!

Тогда Алик, с одним портфелем в руке и другим под мышкой, ни слова не говоря, направился к мостовой, на-

встречу машинам. Она смотрела ему вслед спокойно, без удивления. А он уже останаализал свободное такси.

Они ехали, разместившись вдвоем на заднем сидении, пристроив рядом портфели. Алик сказал шоферу:

— Прямо. Все время прямо.

Голос по радио говорил:

— К вашим услугам кафе-закусочная и буфет, читальный павильон, киоски, а также аттракционы для детей младшего возраста: горки, катание на пони и другие...

Все это сейчас пустовало.

Алик с Леной сидели за столиком закуской под открытым небом и уплетали сосиски с бумажных тарелочек, а Алик, кроме того, потягивал из кружки пиво. Официантке он протянул десятирублевую бумажку, еще одна такая же была у него в руке, и он небрежно записнул ее в карман вместе со сдачей.

— Откуда деньги-то? — изумлялась Лена.

— Ну откуда у нашего брата деньги? От завтраков. Мама на завтраки дает.

— Ну не ври!

Потом они шли мимо клеток и вольеров зоопарка, не проявляя, впрочем, особого любопытства, просто шли, наслаждаясь праздностью и волоча свои портфели.

У клетки с тиграми к Алику привязались двое пацанов.

— Парень, дай десять копеек, — заявил один из них.

Другой стоял рядом, держа два портфеля — свой и товарища.

— Это еще зачем? — строго спросил Алик.

— Нужно, — сказал пацан.

— А вы почему не в школе, а? Уроки прогуливаете?

А потом из-за вас родителям неприятности!

— Свободный у нас, отпустили, — сказал пацан.

— Отпустили! Знаем вашего брата! — упивался Алик, и рядом посмеивалась Лена. — Ходите тут! А ну марш!

— Дай десять копеек! — невозмутимо повторил пацан.

— А ну, я кому сказал!

Но строгий тон Алика не производил никакого впечатления.

— Чего раскричался-то, — мирно ответил второй пацан. — Сами небось с уроков удрали. Не видно, что ли?.. Тут все в зоопарке... которые с уроков... Вон там, гляди, сколько. Где обезьяны.

— Ну да! — рассмеялся Алик. — Ладно, так и быть, цени мою доброту! — Он полез в карман за мелочью. — Будем баловать ребенка?.. Будем! — И высыпал всю горсть. — На. А теперь бегом! И чтоб я вас больше тут не видел!

Пацаны умчались.

А Алик с Леной нашли свободную скамейку.

И в эту минуту по радио, прерывая музыку, пискнула «точное время».

— Все. На географию опоздали.

И Алик беспечно положил голову на плечо Лене.

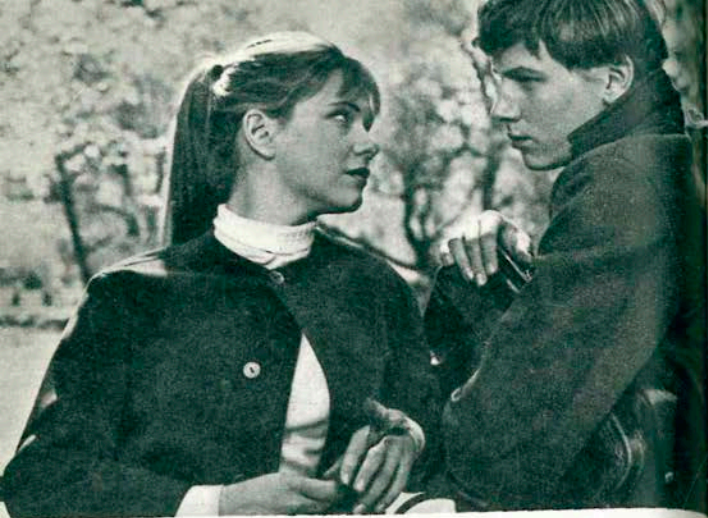
— Ты нормальный? — отшатнулась она.

— Что за глупые предрассудки, — удивился Алик. — В Париже целуются на улицах, где угодно... В чем дело? — обратился он к пожилому мужчине, остановившемуся перед их скамейкой.

— Купите лотерейные билетки, молодые люди. Тридцать копеек, — сказал мужчина.

Он был в поношенном костюме и велюровой шляпе, с палкой, украшенной перламутром; в свободной руке он держал билетки, выставленные веером.

— Остались только счастливые, — сообщил он доверительно. — «Волга», «запорожец», стиральная машина.

Увлекательная поездка по древним городам, свадебное путешествие на теплоходе...

— Это интересно, — сказал Алик.

— Тридцать копеек, — сказал незнакомец.

Алик вручил ему рубль. Незнакомец отсчитал три билета.

— Не надо, — сказал Алик.

— То есть как — не надо?

— А я принципиальный противник всяких лотерей, — сообщил Алик. — В этом есть что-то нечестное: за тридцать копеек надеяться получить автомобиль.

— Вы большой оригинал, — заметил незнакомец.

— Отчасти.

— А вы напрасно, девушка! Когда люди целуются на скамейках, их благословляет небо. — И незнакомец ушел вдоль по аллее с палкой под мышкой и билетами в руках.

Теперь, впервые за все утро, Лена улыбалась, и лицо ее стало совсем иным.

— А что мы скажем в школе? — спросила она.

— Скажем — хотели побыть вдвоем. Да. А что особенного? Академик Павлов, когда влюбился, забросил на год всякую работу.

— Он был академик.

— Он тогда еще не был академик.

Она глядела на него с любопытством.

— А у меня неприятности, ты знаешь? — сказал Алик. — Разозлился, наговорил...

— Слыхала.

— Мать вызывают. Чудаки.

— Зачем ты это сделал?

— Сам не знаю. Половину поступков люди совершают без всякого смысла.

— Это уж точно.

— Так ты потому и пришла?

— Почему?

— Вот поэтому. Пожалеть меня.

— А я никуда не приходила.

— Специально стояла, меня ждала.

— Ну ты самоуверенный!

— Так это мой недостаток. Слушай, хочешь, я тебе скажу одну вещь?

— Нет.

— Серьезно.

— Нет-нет... Слушай, а правда, чьи это деньги?

— Мои! Ну давай что-нибудь придумаем, хочешь? Поедем! Куда поедем? В Париж! В Булонский лес! В Швейцарию, на озеро... как его...

— Ферней.

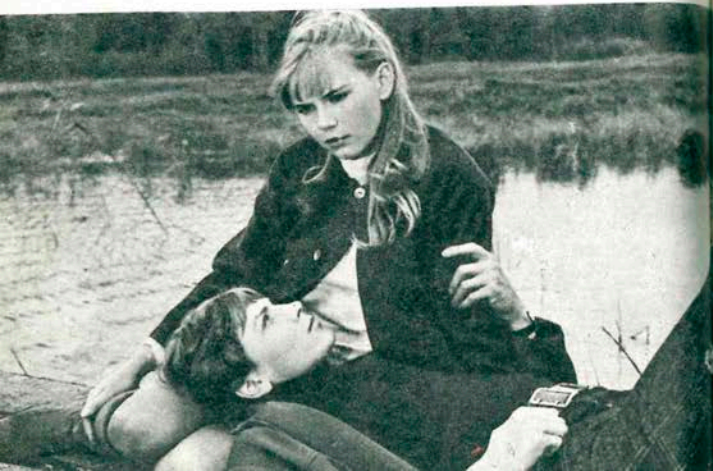
— На озеро Ферней, на озеро Балатон, на озеро Мичиган...

— Хочу! — сказала Лена.

...И они оказались на озере.

Это был широкий плес, до самого горизонта, со своими маленькими волнами и бликами солнца на них, с берегами, поросшими камышом, с ветхими мостками, на которых они сидели рядом.

- Ты любишь воду? — спрашивала она.
— Конечно.
— Реку, озеро или море, что больше?
— Озеро!
— А какой твой самый любимый цвет?
— Красный. А твой?
— Темно-зеленый.
— А зря еды не взяли, правда?
— А ты уже голоден?
— Да. У меня дикий аппетит, ты учти на будущее
— Растешь.
— Ага.
— Ребенок мой!
— Гм... Сказать тебе одну вещь?
— Ну скажи.
Алик сказал, глядя в воду:
— Выходи за меня замуж.

Она не фыркнула, даже не удивилась, она смотрела на него сокрушенно.

— Ты это что, серьезно?

— Абсолютно.

— Ну и как ты себе это представляешь? Где мы будем жить?

— У тебя, у меня, какая разница...

Она промолчала.

— Слушай, это все преувеличивают, — заявил он. — Вопрос денег и прочее. Были бы руки. Я вот за две недели столько денег огреб, ужас. Телеграммы носил.

— Ты?

— А что особенного! Ты только не трепись.

Она опять молчала, говорил Алик:

— И учиться можно, подумаешь. У меня отец с матерью поженились на первом курсе. Отец потом ушел, правда. Но это уже другой вопрос.

Помолчал и добавил:

— Я от тебя не уйду.

И она впервые посмотрела на него благодарно, а он глядел в ее глаза, будто хотел еще раз убедиться, что любит ее и что никогда не покинет ее, что бы там ни было. Лица их сблизились, руки раскрылись друг другу навстречу.

Так они сидели обнявшись; наконец она освободилась и поправила волосы. И больше не смотрела на него.

— Мама твоя приходила, ты ничего не знаешь?

— Моя мама? Зачем?

— Ну как... Видишь, беспокоятся. Моя тоже.

— Заботятся о нашей нравственности...

Они тихо засмеялись. И опять обнялись, наперекор всему.

— А мы сегодня вернемся и скажем, поняла? Мы женимся. — Он держал ее не отпуская. — Мы поженились, и все. И не надо куда-то уходить и ни от кого пря-

таться не надо. Ты моя жена... Моя жена! — повторял он радостно, бесстыдно, удивляясь сочетанию слов, повторял и целовал ее без конца.

— Пусти, — говорила она.

— Почему «пусти»? Никуда я тебя не пущу, ты моя жена, поняла? Не пущу никуда...

Она вскочила, он поднялся за ней и догнал и прижал к дереву, обнимая ее и дерево.

— Я тебя не пущу... никогда в жизни... — шептал он ей в самое ухо. — Я вот иногда просыпаюсь утром, даже еще не проснулся, и такое ощущение: вот что-то хорошее сегодня... Как в день рождения... Это значит, я тебя сегодня увижу. И я тебя начинаю звать: Лена! Лена!.. Неужели ты не слышишь, мне кажется, ты слышишь... Ты вот когда болела, помнишь, у меня тоже вот здесь колело, честное слово, я не вру.

— Да ладно тебе!

— Нет, правда, это судьба... Ты разве не веришь а судьбу? Мне кажется, если ты умрешь, и я в этот момент умру, а если меня убьют на войне... ведь может так быть, чего ты!.. Они ведь тоже тогда думали, что будут жить вечно... а уже бомбы лежат и пули... все давно готово... Мы обнимемся, и я пойду спокойно. Ты только всегда меня жди, я без тебя не умру... Ленка... милая...

Она смотрела на него с испугом и наконец освободилась и побежала.

В сторону от озера, дальше, дальше, между деревьев.

И он опять догнал ее.

— Не надо, — сказала она не глядя. — И никогда так не говори. Я не хочу. Это ты все придумал. Глупости.

— Что глупости?

— Все. И насчет женитьбы. Какое время нам жениться... Будем ходить вместе, разве тебе плохо?..

И сама примирительно взяла его за руку.

...Озеро и роща находились лишь в небольшом отдалении от Москвы, и самая обыкновенная электричка за какие-нибудь сорок минут возвращала из этого молчаливого сказочного мира в реальность шумного города, на площадь трех вокзалов, где, как всегда, толпился народ, приходили и отправлялись поезда, торговали киоски, и часы со всех сторон напоминали о времени. Было десять вечера.

Алик и Лена шли в потоке людей, прибывших пригородным поездом.

Потом они оказались в вокзальном помещении, где длинными стенками в несколько рядов выстроились боксы автоматической камеры хранения. Отыскав нужный ящик, Алик покрутил рукоятки, набрал номер шифра и, отомкнув дверцу, извлек на свет два портфеля — свой и Лены.

Теперь можно было идти по домам.

Город еще не спал, всюду горели окна, слышалась музыка, но тротуары странно пустовали, и улицы вновь казались покинутыми.

Лена с Аликом шли, держась за руки, а в свободной руке Алик опять тащил два портфеля.

Разговаривать не хотелось.

Может быть, просто кончился праздник, начинались будни.

ЧУЖИЕ КВАРТИРЫ

На двери лифта висела табличка: «Ремонт». Алик взбежал по лестнице, одолел сразу два этажа, остановился, поглядел на номера квартир и кинулся дальше вверх.

Он разносил телеграммы.

Целая пачка была у него в левой руке, а правой он звонил — на этот раз долго и настойчиво, потому что открывать не спешили. Наконец щелкнул замок, дверь приоткрылась на ширину цепочки, и оттуда высунулась голова мальчугана лет шести.

— Борисовым телеграмма, — сообщил Алик. — Есть кто-нибудь?

— Я Борисов, — сказал мальчуган.

— Ты один, что ли, дома? Расписываться умеешь?

Мальчуган покачал головой.

— Ну давай я за тебя, — предложил Алик, взяв карандаш, но тут же раздумал: — Да нет. Давай сам. Крестик — умеешь? Вот здесь... Да открой же ты, не бойся... Что, не велели?..

Ему попадались двери, обитые дерматином, с аккуратными отверстиями «глазков» и простые деревянные двери. И старые двери коммунальных квартир, утыканные кнопками звонков, с перечнями проживающих граждан и получаемых ими печатных изданий.

— Спасибо, — говорил человек в пижаме, расписываясь с закорючкой. — Семнадцать часов двадцать две минуты, правильно? Сколько на ваших?

Это был пунктуальный, дотошный человек.

Другой оказался небрежнее:

— Время поставите сами.

Третий захлопнул дверь прямо перед носом.

Четвертой оказалась женщина в халате, который она забыла застегнуть. Вид ее несколько смутил Алика. Женщина же, взяв телеграмму, всплеснула руками и закричала на всю квартиру:

— У Вальки мальчик родился! Мальчик!

И снова лестница — вниз.

И снова чья-то дверь. Музыка, голоса.

Наверно, даже звонка не слышно — долго не открывают.

Сразу две телеграммы. Даже три. Вот они.

Наконец открыли. Здесь вечеринка, чей-то день рождения. А может быть, свадьба. Полно гостей. Кто-то курит в передней.

— Одну минуточку, молодой человек. Подождите, не уходите. Вот, пожалуйста. Вы там сами распишитесь, ладно?

Дверь захлопнулась. Алик разжал руку — из нее выскользнула и покатилась под ноги монетка. Другая монетка была тут, на ладони, вместе с квитанциями.

Алик позвонил снова. Теперь открыли сразу.

— Кто получал телеграмму? — спросил Алик.

— Получили, получили, спасибо.

— Мне нужен этот товарищ. Он где?

— Костя! — позвали из передней. — Костя, тебя! Где Костя? Молодой человек, нет его, ушел. А в чем дело?

— Расписаться надо.

— Ну давайте я распишусь. Где?

— И еще вот тут, пожалуйста.

— Пожалуйста.

Мужчина расписывался. Женщина опиралась на его плечо.

— Спасибо, — сказал Алик, получив листки. — Возьмите.

И сунул в руку мужчине обе монетки.

И захлопнул за собой дверь.

И снова по лестнице — вниз. И по улице и через двор — бегом.

И вот еще один похожий на все остальные корпус.

Такой же подъезд. Лифт. Пятый этаж.

— Алик, ты? Заходи, — сказала мать Эдика Терещенко.

Она удивилась ему и как-то не совсем решительно пропустила его в прихожую.

— Ничего-йничего, — говорила она, видя, как Алик старательно вытирает на пороге свои подошвы. — Что, мокро на улице? Проходи. — Она провела Алика почему-то в спальню и усадила в кресло рядом с кроватью. — Ты очень спешишь?

— А Эдик...

— Эдик скоро будет. Вышел ненадолго. Ты посиди...

И быстро вышла, оставив Алика одного в спальне и плотно прикрыв дверь.

Эдик был дома.

Он сидел у себя в комнате за столом, спиной к двери. Рядом с ним расположился средних лет мужчина в очках. Они сидели плечо к плечу и смотрели в одну книгу.

— «Там, где проходили его следы...» — читал вслух Эдик и объяснял: — Придаточное предложение, отвечает на вопрос «где», подлежащее — «следы», сказуемое — «проходили», «там» — это местоимение, что ли?... Эдик обернулся и увидел в дверях мать. — Ну, что такое? — спросил он с раздражением.

— Эдик... Простите, Илья Михайлович, вы... не скоро освободитесь?

— Да мы уже, собственно... — сказал Илья Михайлович, поглядев на часы. — Вот эти два параграфа к сле-

дующему разу. И этот текст разобрать, — сказал он Эдику, отчеркнув ногтем место на странице.

Илья Михайлович направился к двери, а мать сообщила Эдику шепотом:

— Там Алик.

— Где? — всполошился Эдик.

Мать показала рукой в сторону спальни.

— Я ему сказала, что тебя нет...

Эдик нахмурился, ничего не ответил и направился в спальню.

Здесь он бодро воскликнул:

— Привет, старик!

Увидел в руках у Алика журнал.

— Что ты тут почитываешь? А-а! Ты там насчет дельфинов почитай, интересно. Видел насчет дельфинов? Слушай, а чего ты здесь расселся, пошли ко мне.

Алик покосился на дверь, убедился, что их не слышат, и сказал негромко:

— Что случилось? Ты почему не явился? Они спрашивали, я ничего не мог придумать, хотел сказать, что у тебя ангина.

— Ну и правильно. Горло болит, — сказал Эдик.

— Но знаешь, старик, я ведь решил не врать, — извиняющимся тоном признался Алик. — Ты уж сам как-нибудь... Телеграммы твои я взял.

— Где они?

— Да уже разнес.

Эдик выглядел смущенным.

— Слушай, я это... я, наверно, вообще не смогу.

— То есть как... не сможешь?

— Обыкновенно, — выдерживая взгляд Алика, произнес Эдик. — Не смогу. Экзамены ведь, понимаешь, два месяца осталось.

— Это когда ты решил?

— Ну, в общем, решил, понимаешь. Ты уж меня извини.

— Да, — сказал Алик.
— И тебе тоже, старик, честно говоря, советую, — сказал Эдик. — В конце концов, из-за сорока рублей...
— Это уж мое дело.
— Смотри.
— Ладно. — Алик поднялся. — Пока.
— Подожди, куда же ты, — забеспокоился Эдик. — Не поговорили. Ну сядь. Ты что, торопишься?
— Тороплюсь, старик, некогда.
— Как у тебя с Ленкой? — шепотом спросил Эдик.
— Нормально, — сказал Алик и вышел в переднюю.
Нашел свой плащ на вешалке. — До свидания, — поклонился он матери Эдика, вышедшей из кухни.
На лестничной клетке грохнула дверца лифта.
А Эдик все стоял на пороге и смотрел на мать.
— Что? — спросила она. — Ты чего так смотришь?
— Что вы наделали! — вдруг закричал Эдик. — Зачем мне это все! Не хочу ваших репетиторов! К черту! Ничего мне от вас не нужно!
— Тише, отец отдыхает! — цыкнула на Эдика мать.

Но отец уже появился в дверях.
— Что тут у вас происходит? — спросил он мирно.
— Не хочу я никаких репетиторов, — уже тише повторил Эдик. — Ни у кого из ребят их нет. Плевать мне, лучше никуда не поступлю, оставьте меня в покое!
— Как это — никуда не поступишь? — удивился отец. — И что же ты будешь делать, никуда не поступив?
— В армию пойду.
— В армию — это хорошо, — сказал отец. — Для таких, как ты, даже очень полезно. Ну а дальше? Кто тебя дальше будет тянуть, кто тебе образование даст? Мне пятьдесят шесть лет. Ты о нас подумал? О матери, которая жизнь положила, чтобы из тебя человека сделать? Смотри, какой храбрый, он в армию пойдет! Нет уж, пожалуйста, доучись, получи нормально образование, а потом как хочешь, на все четыре стороны...
— Успокойся, Коля, — сказала мать.
Отец перевел дух и продолжал спокойнее:
— Репетитор! Подумаешь! У тебя одного, что ли, репетитор! Наивный парень! У всех репетиторы, только они скрывают. Ты же скрываешь? Вот и они так же. Кому же нынче охота без института остаться? Каждый, уж поверь, устраивается как может. И Юра, твой друг. Там папаша небось. И этот Алик...
— Как это он, интересно, устраивается?
— Это уж у него надо спросить. Не знаю, может, он, у вас гений. Ты не гений. Вон троек сколько.
— Алик у них самостоятельный, — сказала мать. — Того и гляди, женится. Ты себя с ним не равняй.
— Это откуда такие сведения? — насмешливо спросил Эдик.
— Да ты мне сам говорил!
Теперь насмешливо смотрели они, родители. И, перелетый со всех сторон, в отчаянии от собственного предательства и бессилия, Эдик закричал:

— Мещане вы! Вот вы кто! Мещане! Противно вас слушать!

— Ах ты, щенок! — взорвался отец. — Это мы — мещане? А ты кто же? Мещане тебе — хлеб с маслом, и костюмчик по последней моде, других мы не носим, и туфельки, чтоб были новые, и трешку на праздники, и все — мещане! А?

— Не надо мне вашего ничего! — сказал, задыхаясь, Эдик и рванул к двери.

— Эдик! — вскрикнула мать и кинулась за ним вдогонку.

Но шаги Эдика уже стучали по лестнице и смолкли.

Мать, обессиленная, вернулась в комнату.

Отец сидел за столом с газетой.

— Успокойся, — сказал он. — Сядь. Ничего, вернется.

II. ОСЕНЬЮ...

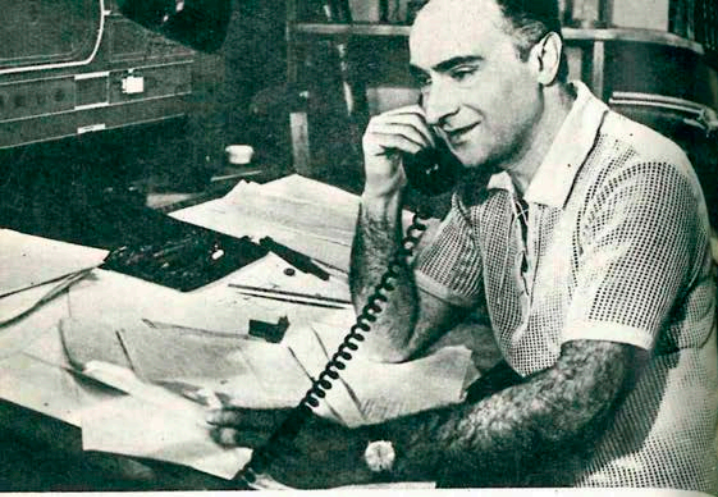
МОНОЛОГИ

Был жаркий день середины августа, Москву осаждали приезжие.

В поисках свободного телефона Алик прошел всю улицу. Будки были заняты, как, впрочем, было занято все — тротуары и машины, столики в кафе и автоматы с газированной водой; все было нарасхват — газеты в киосках, фрукты на лотках, занимательная литература про баптистов, которую громко рекламировал молодой человек на углу, и даже елочные игрушки, которыми бойко торговал, несмотря на сезон, другой молодой человек...

Потолкавшись у табачного киоска, Алик купил сигарет и заодно запасся монетками для автомата. В белой сорочке с закатанными рукавами, на сей раз без галстука, в отглаженных брюках и сандалиях, он был похож на сотни таких же — что-то покупающих, что-то высматривающих, гуляющих и вместе с тем озабоченных людей в центре Москвы. Где-то в переулочке, в стороне от торговой магистрали, нашлась наконец автоматная будка, где никто не звонил и никто не ждал очереди. Алик прочел надпись: «Окрашено», — осторожно открыл дверцу и бочком пронырнул внутрь.

— Алло! — отозвался на звонок Михаил Арсеньевич Колганов. Он сидел у себя за столом и разбирал почту. — А кто это?.. Алик?.. Спасибо, ничего... И здоровье — тоже, спасибо. Тебя, наверное интересует Юра?.. А его нет дома... В институте, на консультации. Говорит, что в институте, а там кто его знает... Могу тебе дать, старик, подробный отчет. Остались химия и русский.

Как видишь, я в курсе... Никуда не поехали, сидим с женой в Москве... Почему химия? А он ведь на текстильный подал, ты разве не знала?.. Так в последний момент решили. Там три человека на место... Но вот что удивительно, ты послушай: этот человек сдает на круглые пятерки! Теперь, я думаю, может, я его недооценивал... Кем же он будет? Не знаю. Вот уж не знаю, кем он будет, — сказал задумчиво Михаил Арсеньевич. — А твои как дела?.. Ну хорошо. Что-нибудь ему передать?.. Когда?.. В половине шестого, сегодня... Есть, записал... Ну, желаю тебе. Появляйся!..

Надя Воеводина стояла в коридоре коммунальной квартиры в тренировочных брюках и тельняшке. Голос ее был бодр:

— Что делаю? Гимнастику. А это кто?.. Алики! Здорово, старина. Ну что ты мне хочешь сказать?.. Ну, привет!..

Почему гимнастику? Волнуюсь, потому что... Помогает, конечно. А ты газеты читаешь?.. «Вечерку» за сегодня. Почитай. И позвони, как прочтешь, обязательно... Ну как твои дела?.. У меня о'кэй. Остался один английский, волнуясь, конечно, нужна пятерка. На письменной, представляешь, дали тему «Твой любимый герой». Ну, я им выдала про Экзюпери, полный порядок. «Планета людей»... — Теперь она слушала Алику. Удивилась: — Лена? А что с ней?.. В деревне, у тетки?.. Ну и что? Это я знаю, решила год пропустить... Ну и что же? А почему ты удивляешься, она давно так решила. — Алики говорят, и Надя успела, не отнимая от уха трубки, сделать несколько гимнастических упражнений. — Ну хорошо, я позвоню... Ладно... А как ты узнаешь?.. Ну давай. Про газету не забудь, слышишь! «Вечерка» за сегодня. Гуд-бай! Звони!

У Эдика Терещенко играла музыка. Эдик читал газету и одновременно слушал магнитофон. Раздался телефонный звонок.

— Алло! — сказал он в трубку. — Александр! Я приветствую вас и в вашем лице... Что-что? А ты послушай! — И он приложил трубку к динамику магнитофона. — Ну как твои дела, сколько?.. А проходной балл какой?.. Ну ничего. За тебя я, старик, спокоен. Жажнешь им логарифмы наизусть... Разочаровался?.. Подожди, я сделаю потише. В чем разочаровался — в математике? Ты слушай, ты все-таки немножко чайник, я убеждаюсь. Ладно, не дури... Когда?.. Да нет, старик, невозможно. А что случилось? Почему именно сегодня?.. Да нет, старик, никак. Сиж, видишь, зубрю. Родители, понимаешь, замучили. Хотят из меня человека сделать. Батя совсем озверел. С утра начинает. Мол, надо стремиться. А я не хочу, понимаешь, стремиться, может так быть?.. — И сделал погромче музыку.

Андрей Глазунов говорил:

— Старик, черт его знает, как дела. Боюсь загадывать. Сижу, газеты читаю. Там по политике гоняют здорово, любой каверзный вопрос... Подожди, а ты разве не знаешь?.. В институт восточных языков, конечно. Черный континент пробуждается!.. Ну да!.. На всякий случай подал на юридический, там с пятнадцатого... Блат — вот что страшно. Один папенькин сыночек у меня вчера шпаргалку просил. Интересное дело: оба на одно место, и у меня же — шпаргалку!..

Маленькая изящная женщина — мы видели ее на собрании родителей — принесла и поставила на стол чашку кофе.

— Спасибо, что позвонил, старик, — сказал Андрей. — Встретиться бы надо. А как у ребят дела?.. Сегодня? Когда? Полшестого?.. Ой нет, старичок, сегодня не обещаю. Постараюсь всеми силами. Вы меня специально не ждите, ладно?.. Приветы передай. Звони.

Пришел один Ленька.

Он еще издала приветствовал Алика и поспешил ему навстречу.

— Ты один?

Из метро валил народ, они стали в сторонку.

— Занимаются все, — объяснил Алика. — Запарка у ребят... — А сам с надеждой поглядывал по сторонам. — Юра должен подойти. На твоих сколько?.. Вообще, конечно, здорово гонцы занимают. Андрюшка на восточный сдает, слыхал? В общем, все нормально. А что у тебя? Бокс помогает?

— Да как тебе сказать...

— Ты что-то темнишь, по-моему.

— Старик, темно, — признался Ленька. — Надя, понимаешь, пристала. Бегаёт, шпаргалки носит. Ну, я делаю вид, понял?

— А на самом деле?

— А на самом деле, старик, я тут решил, понимаешь. Пять лет студентом быть — это я не потяну. Отец уж на пенсию выходит. Да и, потом, скажу тебе честно, я еще окончательно не выбрал. Бокс — это не профессия, верно? Работать пойду, на завод. В армию. А там погляди, заочный не убежит... Слушай, ну ты-то как?

— Погоди, — вспомнил Алик, — это, по-моему, за газетой очередь, да! За «вечеркой»? — спросил он у старика в соломенной шляпе. — Вы крайний?

— А что, таблица есть? — поинтересовался старик.

— Говорят, есть. Сейчас посмотрим. А вы собираетесь выиграть? — спрашивал Алик, двигаясь вместе с очередью. — Понимаешь, надо посоветоваться, — сказал он Леньке. — Боюсь, что я сгорел, серьезно. Завтра списки вывешат — увидим. Вот такие дела.

Очередь привела их к киоску и сразу же оттеснила. Алик развернул газету.

— Ogo! Смотри!

Надя Воеводина, собственной персоной, глядела с газетного листа.

Надя улыбалась. Она уже знала, о чем сообщит надпись над ее фотографией:

«Первый приз — московской школьнице».

И текст внизу:

«Надя Воеводина, выпускница 174-й московской школы, стала победительницей викторины «Знаете ли вы Польшу?». Ее ответы на все двенадцать вопросов признаны наиболее точными и обстоятельными. На один из вопросов ответ дан в стихотворной форме. Надя поедет в Польшу после вступительных экзаменов на факультет журналистики, которые она сейчас сдает. Поздравляем ее успеха».

Алик и Ленька читали и переглядывались. Они стояли посреди тротуара, их обходили прохожие, кто-то заглядывал через плечо:

— Как сыграли?..

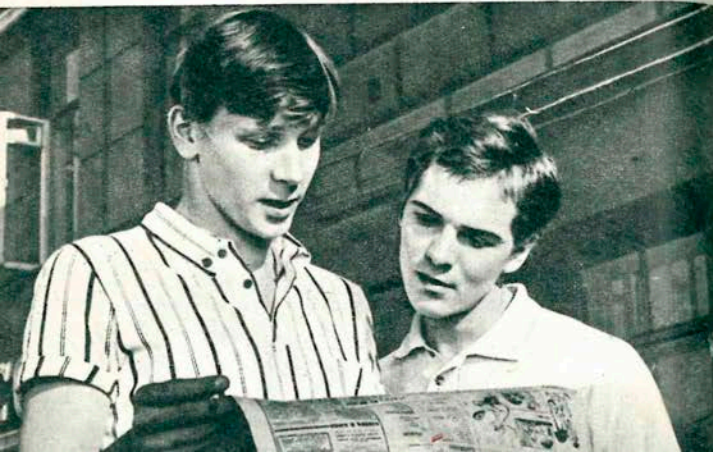
— Таблица есть?

— Есть, есть, таблица! — говорил Алик. — Крупный выигрыш, пожалуйста! Есть, есть!..

ПРОХОДНОЙ БАЛЛ

В скверике возле института были заняты все скамейки. Здесь ждали известий, здесь обсуждались новости и прогнозы, отсюда уходили на экзамены, как на фронт. Конъюнктура постоянно менялась. Проходной балл, профилирующие предметы, привилегии для медалистов и прочие премудрости складывались в сложные комбинации, от которых зависели чьи-то шансы, колебались надежды, решалась чья-то судьба. Здесь же на скамейках еще дозубривали формулы, а кто-то уже возвращался оттуда — со щитом или на щите...

Алик справился, нет ли новых списков, и, узнав, что их еще не вывесили, присел на скамейку и приготовился ждать.

Рядом с ним, с блокнотом на коленях, расположился хмурый очкастый парень. Он решал уравнения.

По другую руку сидел пожилой человек в форме полковника авиации.

— Ну, какие дела? — спросил он у Алика. — Не слышно там, когда вывесят?

— Никто не знает, — сказал Алик.

— Что ж это они? Обещали с утра.

— Да, к сожалению, необязательность становится у нас социальным бедствием, — заявил Алик.

Полковник поглядел на него и уткнулся в газету.

А рядом, на месте парня с блокнотом, оказалась девушка. Она утирала слезы.

Алик смущенно отвел глаза. Девушка посмотрела на него и тоже отвернулась. Наконец взгляды их встретились.

— Мы с вами, наверно, в одинаковом положении, — сказал Алик. — Списков еще, правда, нет, но я, честно говоря, не жду ничего хорошего. По физике три, попался дурацкий вопрос. А вчера — сочинение. Вы что писали?

— Образ лишнего человека, — сквозь слезы сказала девушка.

— Вот видите. А я, как дурак, взял вольную тему. Красота подлинная и красота мнимая. Ну и намудрил, конечно. Да еще запятые. Пять запятых как минимум лишних...

— У меня — математика, — призналась девушка.

— Да, — посочувствовал Алик. — Но это еще ни о чем не говорит. Шаляпина в свое время в хор не приняли. У Гегеля единица была по философии. Так что ерунда. А вы в другой институт не пробовали? В текстильном — три человека на место...

— Теперь уж поздно. Теперь уж домой надо ехать. — вздохнула девушка, — а что я дома скажу — прямо беда! Второй год езжу...

— В текстильном уже не три, а четыре и пять десятых, — сообщил, складывая газету, полковник. — В цветные металлы еще можно, там недобор... Ты — какого года?

— Восемнадцать, — сказал Алик.

— Да, — сказал полковник. — А мой, понимаешь ли, задачу решил правильно, все сошлось, а пример — ну никак. Пришел домой, схватил бумагу и — сразу, в пять минут. Надо же!.. Ты вот что, — он смотрел на Алика изучающе, — ты имей в виду, сейчас с заочным решается вопрос. Льготы те же самые.

— Какие льготы?

Полковник уставился на него удивленно.

— Ты что, призываться не должен?

— Вот оно что, — сообразил наконец Алик. — А я думал, вы будете меня агитировать, чтобы я призывался. В армию... А вы — льготы! — И поднялся.

И в это время все пришло в движение. «Списки, списки». И юные, и взрослые, и те, кто ждал и надеялся, и те, кто ждал без всякой надежды, дружно ринулись к институтским дверям.

Списки белели свежими бумажными листами на стенде посреди вестибюля. Их уже осаждала толпа. Алик с трудом протолкнулся вперед.

— Молодой человек, посмотрите, пожалуйста, там на «Т». Тимченко...

Алик обернулся. Сзади стояла худенькая девушка.

— Тимченко?

— А вы вообще везучий?

— Конечно.

— Тогда посмотрите!

— Есть. Тимченко, Эн Пэ!

Девушка ждала его.

— Эн Пэ — правильно?

— Спасибо! — И она растроганно поцеловала Алика в щеку. — Я уж думала — все. По английскому тройка.

Представляете, все сдала и на последнем... А что ж вы себя-то не посмотрели?

- Я посмотрел.
- Где же вы?
- Я тоже на «Т». Тихомиров.
- Все в порядке?
- Конечно.
- Ну поздравляю!

И девушка, поколебавшись, поцеловала Алика во второй раз.

Алик вышел в сквер.

Дела обстояли плохо, в списках его не было.

Он обогнул здание института, оказался в маленьком пустынном дворике, вдоль которого тянулась каменная с железными прутьями ограда, а за ней — улица, тротуар с пешеходами, троллейбус.

Здесь он заплакал.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Первого сентября утром, перед началом занятий, у школьного здания выстраивалась традиционная линейка.

В первом ряду, поближе к парадному входу, устанавливали малышей. Мамы, папы и бабушки уже вверили их попечениям школы и теперь стояли поодаль. Пятые и шестые классы, самый недисциплинированный народ, переговаривались и смеялись. Девятые и десятые — взрослые парни и девушки, уже частично сменившие школьные мундиры на гражданские пиджаки, — стояли со скучающим видом...

Среди тех, кто скромно стоял в стороне, у ограды, были вчерашние «гонцы» из десятого «А», ныне серьезные и независимые молодые люди. Они не изменили себе и явились все в галстуках, как и раньше. Независимость их подчеркивалась необычной сдержанностью

разговоров, улыбок, взаимных приветствий. Они были здесь с вои и в то же время уже чужие, школа уже не имела над ними власти, и старые их педагоги, хотя и обращались к ним, как и прежде, по именам, испытывали странную неловкость, будто вдруг потеряли ощущение своего старшинства. Эдик Терещенко, в новом с иголки костюме, непринужденно разговаривал о чем-то с Верой Дмитриевной. Алик и Юра снисходительно отвечали на приветствия знакомых ребят и девушек из нынешнего десятого. Надя Воеводина по-взрослому, как с равной, расцеловалась с Галиной Георгиевной, а Андрей обменялся мужским рукопожатием с самим завучем...

Ленька Жургин только что привел в школу маленькую сестренку и был еще в хлопотах...

Церемония между тем началась. Директор уже говорил речь, в первых рядах аплодировали...

«Гонцы» из бывшего десятого «А» неожиданно застыли с выражением почтительности на лицах.

— Здравствуйте, Мария Николаевна! — произнесли они хором.

Высокая худая старуха разглядывала их с гордостью и уважением.

— Ну как же вы, ребятки? — сказала она. — Как вы живете? Все поступили?

— Все, Мария Николаевна! — бодро отвечал Эдик. — Все поступили, все станем людьми.

— А это, по-моему, Юра, да? — Старуха вглядывалась в лица. — А это ты, Надя?

— Я, Мария Николаевна, — призналась Надя Воеводина. — Это я! А это Андрюша, узнаете?

— Ну как же, как же, всех узнаю. Ну, молодцы, — говорила Мария Николаевна, а сама уже поглядывала туда, где зыбким строем стояли ее малыши. — А я, вот видите, опять... Уж меня и на пенсию провожали... Значит, все хорошо? И у тебя, Эдик? Не ленишься?

— Да что вы, Мария Николаевна!
— И Леня? И Андриуша?
— Андриуша у нас — по восточным языкам. Ученым будет, а может, и дипломатом.
— Всегда был дипломат! — заметила радостно Мария Николаевна. — Ну, Леня, он по математике, верно?
— Нет, это Алик у нас — по математике, а Леня раздумал, Леня у нас мастер спорта, большой человек.
— Ну молодцы, что школу не забываете...
— Ну как можно! — говорил все тот же Эдик.
А Мария Николаевна уже мчалась туда, к линейке, где без нее строились парами и двгались малыши...
Андрей посмотрел на часы.
— Ребята, мне к девяти!
— И мне, — спохватилась Надя. — Всем к девяти. Побежали!
Они торопливо прощались.
— Держи! — сказал Алику Юра Колганов. И протянул ему две монетки. — Это чтоб ты звонил!
— Не забывай! — тряс ему руку Андрей.
И тоже полез в карман за монеткой.
И молча вручили ему свои монетки Эдик и Надя...
Алик еще постоял, посмотрел им вслед. И тут его окликнули:
— Тихомиров!
В модном пиджаке, с трубкой в зубах стоял перед ним Виктор Васильевич.
— Ты очень торопишься?
Они пошли вдвоем.
И оказались по другую сторону школьного здания, во дворе.
Уроки начались, двор был пуст.
— Слушай, — сказал Алику Виктор Васильевич. — Давай без дураков: чем я могу тебе помочь?
— А именно? — спросил Алик.
— Вот я и хотел тебя спросить: а именно? Ты же не

думаешь оставаться вне института? Какие-то планы у тебя есть?

Алик молчал.

— Ну давай с самого начала, — предложил Виктор Васильевич. — Я должен тебе объяснить, почему я завел этот разговор.

Он взял Алика за локоть и повел рядом.

— К тебе лично симпатий у меня нет, ты уж меня прости. Предполагаю, что и с твоей стороны не заслужил особенно горячей любви. Но есть принципы, которые выше личных симпатий и антипатий. Что это за принципы? Сейчас объясню... В свое время, вот в таком возрасте, как ты, я поступил в Московский университет, на факультет истории, и окончил его довольно успешно... Ты что куришь?

Алик нерешительно полез в карман за сигаретами.

— Надоела трубка. — Виктор Васильевич взял сигарету и поднес огонь Алику и себе, как бы утвердив окончательно их равенство. — Так вот, — продолжал он, — двое моих товарищей устроились в аспирантуру. Не поступили, а устроились, потому что всякие там побочные обстоятельства, включая знакомства, личные отношения и так далее... в общем, люди есть люди... Ну, я в то время, конечно, презирал и одного и другого. Сейчас один уже профессор в тридцать пять лет, другой — социолог... Мы иногда встречаемся, пьем водку... Я, как видишь, застрял в школе, что само по себе и не плохо, если человек имеет к этому призвание, но я его, к сожалению, не имею. Своих детей у меня нет, чужие меня в основном раздражают, преподавать мне скучно, на педсоветах меня клонит в сон... Педагоги меня недолюбливают, ученики, очевидно, тоже, и сам я себя не люблю за то, что занимаюсь не своим делом, не написал диссертации, материал к которой был уже собран, и не напишу ее никогда, потому что в прошлом году ее уже написали другие...

Сигарета не курилась. Он выбросил ее и зажег трубку.

— Но я понял одну вещь, и тут у меня отношение суеверное. Все, что я могу сделать для других, для любого человека, который моложе меня и способнее, — я обязан сделать... Короче — так: у тебя двойка за сочинение? Есть возможность пересдать. То есть написать заново. В крайнем случае заочный тебе гарантирован. Я говорил с ректором. Ну так для полной ясности: это мой приятель. Устраивает?

Алик молчал.

— Повторяю, я это делаю не ради твоих красивых глаз. Ты мне когда-то, помнишь, объявил, что не желал бы быть на моем месте. Честно, хотя и жестоко. Ну так вот, давай придумаем для тебя вариант получше. И я, кстати, не считаю, что протекция настолько уж дурная вещь. Пушкин попал в лицей, вероятно, тоже не без протекции, правильно? И кстати, мы всегда так гордимся нашей непрактичностью, — давай перестанем ею гордиться, ты не согласен?

— Хорошо, — сказал наконец Алик.

ЛОГАРИФМЫ

Алик вошел в приемную ректора.

Просторная комната. Стол секретарши перед заветной дверью. Ряды стульев вдоль стен. Все места заняты. Тишина.

Из кабинета вышел пожилой человек профессорского вида.

— Следующий, пройдите, — сказала секретарша.

С места поднялась женщина, быстро поправила волосы, на секунду задержалась перед дверью, как перед зеркалом, и вошла.

Стул освободился, Алик сел.

Рядом с ним — и сбоку и вокруг — сидели люди преимущественно пожилого возраста. Как нетрудно было догадаться, они представляли здесь интересы молодежи. Они сидели в молчании, приличествовавшем их важной и несколько щекотливой миссии. Впрочем, тут были и сами абитуриенты: молодой человек с бородой, серьезного вида девушка с книгой и Алик.

Следующим в приемной появился полковник авиации.

— Кто последний? — спросил он деловито и, услышав ответ Алика, удивился: — А, это ты? Ну, здорово! А я думал, ты уже в войсках...

Ждать предстояло долго. Алик тоже вытащил из кармана книжку и попробовал читать. Дверь молчала.

— Следующий кто пойдет? — спросила секретарша.

— Я, — отозвался парень с бородой.

— Документы сразу готовьте. — И секретарша критически оглядела парня.

Дверь наконец дрогнула и открылась. Вышла женщина, протянула свои бумаги секретарше.

А за дверью скрылся бородач.

— Мда, — заметил кто-то по его адресу. — Бороду сбрить бы не мешало...

— А что вам до его бороды? — заступилась за парня серьезная девушка.

— Мне-то ничего. Ему — плохо. Это ведь как посмотрят. Двойку-то небось получил, а еще борода!..

Алик вышел в коридор, закурил. Его все еще одолевали сомнения.

В конце коридора, у лестницы, висел автомат. Алик по привычке полез в карман за монеткой.

Татьяна Михайловна Прохорова, мать Лены, подошла к телефону у себя в коридоре. Руки ее были мокрыми, она взяла трубку двумя пальцами.

— Алло! Кого?.. Нет, это не Лена. Здравствуй, Алик. Что это ты нас вечно путаешь? Ну, здравствуй, куда же ты пропал?.. Приехала, приехала! Сейчас она вышла ненадолго, ты позвони! — легко, без всякой напряженности, даже как-то охотно и обрадованно говорила Татьяна Михайловна. — Ну, а что у тебя? Все в порядке?.. Ну ты же у нас умница... Ты позвони, слышишь, она будет рада!.. Маме от меня привет!

— Алло, слушаю, — снял трубку отец Эдика Терещенко. — А кто его спрашивает? Алик, ты? Это Николай Порфирьевич. А Эдик в институте, еще не приходил. Ну как твои дела?.. Как дела, я спрашиваю. Ты с Виктором Васильевичем говорил? Ты смотри, не упускай это дело. Куй железо, пока горячо... Ребята, да. Эдик, Юра, Андрей... а ты что, не знал? Специально к нему ходили, а как же. У него там ректор свой человек. Как же ты не знал, вот тебе раз!.. Слушай-ка, ты там не мудри — сходи и попроси, и ничего страшного. Вас, братцы вы мои, еще жареный петух не клевал... Почему жареный? Вот уж я не знаю...

Бородач вышел из кабинета, ни на кого не глядя миновал приемную и исчез.

— Ну вот вам, пожалуйста! — сказала полная дама. — Сбрил бы бороду — совсем другой разговор.

— По-моему, ваша очередь, — сказал Алику полковник.

Алик с тоской поглядел на дверь.

— Да иди, не бойся, чего ты! — засмеялся полковник. — Ты там, главное, скажи, что математику любишь, он сам математик. Давай, смело!

— Садитесь, — сказал ректор. — Тихомиров? Это что ж ты, брат, за манеру взял — списывать? Это что же, в школе тебя так учили — прятать под столом книгу? Ловко!.. Покажите мне его личное дело... Небось отличник, а? Медалист?..

— Да я... — попытался возразить Алик.

— Отличник! Десять лет списывал и все на отлично! Нет, братец мой, уж не обессудь, тут я бессилен совершенно. Звонили мне твои покровители, и Толмачев звонил — замминистра, и прокурор звонил. Ах нет, проси, пожалуйста, прокурор — это, кажется, за другого, да... Ну вот, походи к ним и объясни, скажи: я списывал...

— Я не списывал, — сказал наконец Алик.

— Это теперь трудно установить, списывал или нет. Книгу держал на коленях?

— Да не держал я книги! — воскликнул Алик в отчаянии. — Не держал книги, вы меня с кем-то путаете!

— Как фамилия?

— Тихомиров.

— Да нет, это не он, — объяснили ректору. — Тот Благовидов.

— Что ж ты мне голову морочишь, — смутился ректор. — Тихомиров, Благовидов. Ты кто?

— Вам Виктор Васильевич звонил... — проговорил, морщась, Алик.

— Виктор Васильевич... Ну-ну... — Ректор рассеяно смотрел на Алика. На столике звонил телефон. — Да-да, — сказал он в трубку. — Не знаю, не знаю. (И еще какие-то незначащие слова.) И все время смотрел на Алика. — Ну так что?

— Видите ли, у меня...

— На чем срезался?

— На сочинении...

— Ну и что ты хочешь?

— Учиться, — сказал Алик.

— Учиться, — повторил ректор. — Учиться. Именно в нашем институте, потому что математика — это твоя жизнь. Или физика — что?

Алик молчал.

— Короче, ты хочешь пересдать...

— Сочинение.

— Сочинение. А по математике что?

— Пять.

— Подожди-ка, это не ты — таблицу логарифмов?..

— Я.

— А, ну правильно. Вот мне так и сказали. Слышишь, Лев Александрович, парень знает наизусть таблицу. А ну-ка, от числа девятнадцать!

— Два девять четыре, сорок четыре, — сказал Алик.

— Лев Александрович, у тебя далеко линейка? Или поверим на слово?

— А ну-ка, от семидесяти семи, — попросил Лев Александрович.

— Четыре, тридцать четыре, тридцать восемь, — произнес Алик сквозь зубы.

— Здорово! Теперь и ректор и Лев Александрович с откровенным любопытством разглядывали Алика. — Ну хорошо, а зачем, собственно, понадобилось их запоминать? Для какой цели?

— Да это еще давно, — сказал Алик. — На спор.

— Вот это лихо! — развеселился ректор. — На спор!

Ну ладно. Дадим ему пересдать? — Все снова смотрели на Алика с веселым доброжелательством. — Дадим, — решил ректор. — Напишешь заявление. Укажи там причину. Был болен, что-нибудь... Хорошо бы справку. В общем, соображай. Завтра к секретарю. Все.

— Вот линейка, Евгений Алексеевич, — сказал, входя, еще один участник этой беседы, молодой. — Ну-ка, давай! Девяносто восемь! Сейчас проверим.

Алик молчал. Мускулы его были напряжены, язык одеревенел, кажется, никакая сила не могла бы заставить его говорить.

— Ну что же ты? — удивился молодой человек.
— Я забыл, — выдавил из себя Алик и посмотрел вызывающе. — Забыл, не помню! До свидания!
И вышел из кабинета.

— Да нет, это не Татьяна Михайловна, это я! — сказала в трубку Лена. — Ну, наконец!.. Да я вчера еще приехала, все ждала, что ты позвонишь... Ну что у тебя? Все нормально? Да?.. Ну слава богу... Пушкин? Что, не понимаю... По блату? А при чем здесь Пушкин?.. Ну понятно... Алик, слушай теперь, что я тебе скажу. Нет, но ты мне сначала дай слово, что ты придешь. Обещаешь? Седьмого в одиннадцать. Ну хорошо... Алик, я выхожу замуж...

Он стоял в будке автомата на улице и трубку повесил не сразу, подержал в руке, словно не знал, что с ней делать.

И наконец вышел. Побрел по тротуару.

Лицо его выражало все то, что он говорил себе в эти минуты, как если бы он рассуждал вслух — брови поднимались и опускались, глаза и рот меняли свое выражение, и так, рассуждая, он шел среди потоков людей. Вдруг он остановился, сделал глубокий вдох и несколько раз поднял и опустил локти.

Потом он стал делать это энергичней, и мы увидели, что он просто совершает физические упражнения, зарядку, только почему-то — на улице, среди бела дня.

На него уже оглядывались прохожие, а он продолжал: локти вместе, локти в стороны, и руки в стороны, и все сначала.

Потом он пошел быстрым шагом. Побежал.

Никто за ним не гнался, и никуда он не опаздывал. Он бежал, с трудом лавируя среди пешеходов, и наконец спрыгнул вниз, на мостовую, и побежал вдоль тротуара, время от времени делая взмахи руками и дыша всей грудью, чтобы легче было сердцу.

РЕШЕНИЯ.

Мария Игнатьевна гладила сорочку сына.

Играла музыка, на диске радиолы вертелась пластинка. Алик носился по комнате, одеваясь, и торопил мать:

— Ну что ты там! Хватит! Низ можешь не гладить, главное — воротник. Так. И вот галстук.

— Вообще не обязательно всюду ходить в галстук, — заметила Мария Игнатьевна. — Тем более днем. Что за пижонство? Почему тебя должны принимать не за того, кто ты есть?.. И уж если на то пошло, сходил бы постригся. Похож на тунеядца.

— Мамочка, ты отстала от жизни. Теперь тунеядцы как раз очень следят за своей внешностью.

— Не знаю, я бы на их месте такого в институт не приняла, — сказала Мария Игнатьевна, глядя, как сын надевает белую хрустящую сорочку.

Алик потянулся к столу за книгой. Показал матери портрет:

— Узнаешь? Альберт Эйнштейн! Тоже достаточно логичный. — Отставил книгу. — Так. Mamочка, деликатный вопрос.

— Сколько? — догадалась Мария Игнатьевна.

Алик показал на пальцах: три.

— Нет, если ты можешь, конечно. Как у нас сейчас с деньгами?

Мать протянула ему трешку.

— Куда это ты собрался?

— В институт.

Она смотрела на него пристально.

— Ты всегда говоришь правду?

— По возможности... — И Алик привычно подставил матери шею и вручил галстук, а Мария Игнатьевна принялась его повязывать, как делала это, очевидно, не раз.

— А ярче ты выбрать не мог? — проворчала она. — Честное слово, на их месте...

— Да я бы на их месте тоже меня не принял. Тем более, совершенно не ясно, выйдет ли из меня Эйнштейн. Лично я в этом не уверен... И вообще, честно говоря, не знаю, стоит ли мне поступать в этот институт...

— Ты с ума сошел.

— Почему? Я, например, в последнее время очень увлекся историей. Мы совершенно не знаем истории, как будто до нас ничего не было... Ну как там дела, покажи. — Алик посмотрел на себя в зеркало, рассмеялся, подергал толстый узел галстука. — Это что такое? Ты смеешься? — и уже развязывал галстук. — Давай сначала. Тоньше в два раза!

— Не буду, сам научись!

— Mamочка! — И Алик снова подставил шею.

— При чем тут история, что за странные у тебя шарахания из стороны в сторону!

— Вот в том-то и дело. Видишь, я шарахаюсь, — спокойно заявил Алик. — Значит, я еще чего-то для себя не решил, правда? Зачем же идти учиться куда попало, а потом всю жизнь об этом жалеть?

— Я тебя не понимаю. Ты что же хочешь сказать... — Мария Игнатьевна насторожилась, руки ее замерли. — Ты чего-то не договариваешь!

— Да, мамочка, — сказал Алик. — Дело в том, что я... дело в том, что я не буду в этом году поступать, так я решил...

— То есть как решил?!

— Решил.

— Как это ты сам решаешь! — возмутилась Мария Игнатьевна.

— А кто же будет за меня решать?

— И что ты намерен делать?

— Mamочка, это уже вопрос, который, наверно, решат за меня.

— То есть что ты хочешь сказать? Ты пойдешь в армию?

— Конечно, — сказал Алик. — Я не вижу причин, почему я должен туда не идти. Есть закон — один для всех.

— Что ты говоришь!

— Да нет, мамочка, я говорю нормальные вещи. И ты, надеюсь, именно ты меня поймешь. Если мое поколение... ну, большинство людей моего поколения, в силу исторических условий, должно идти на военную службу, то почему я не должен разделить их судьбу? Почему у меня должна быть какая-то другая судьба? Нет, правда! И кто сказал, что она будет счастливее?

Мария Игнатьевна как была, так и замерла, держа сына за галстук, за шею.

— Ну а там будет видно, — мягко, как можно мягче, сказал Алик. — Отслужу два года, вернусь, за это время все и определится. Ты разве не согласна? Ну что? — Он заторопился. — Долго ты меня мучить будешь? Ну дай, я сам повяжу.

И увидел слезы на глазах у матери.

— Ничего, сейчас, — сказала Мария Игнатьевна. — Ну иди посмотри: годится?

— Все в порядке, мамочка... Да! — Он вспомнил про трешку, вернулся, взял ее со стола.

— Куда же ты идешь? — спросила мать.

— Мамочка, больше не надо вопросов, — сказал он серьезно. — Все, что мог, он уже совершил, все сказал, и больше его ни о чем не спрашивали... Я скоро вернусь. Вечером буду дома. Слово джентльмена!

Поцеловал мать.

И — уже в дверях:

— Дворяне... — он многозначительно поднял палец, — дворяне считали для себя за честь идти на военную службу. Лермонтов, например. Даже его знаменитая бабушка, она его на это благословила... Кто еще! Толстой! Правильно? Рылеев! Ну и так далее.

И убежал.

СВАДЕБНЫЙ КОРТЕЖ

Все были в сборе: и Юра, и Эдик Терещенко в своем новом костюме, и Надя Воеводина в умопомрачительном платье с матерчатой розой на груди и с букетом живых роз в руках, и Андрей Глазунов, и Леня Жургин, и Альбина.

Ждали Алика.

Он подкатил на такси и выскочил, хлопнув дверцей,

необычайно бодрый, с улыбкой на лице, с рукой, поднятой в приветствии.

Никто из них не улыбался.

И никто не тронулся с места, хотя Дворец бракосочетания был здесь же, за оградой — старинный двухэтажный особняк с колоннами, сверкавший свежей штукатуркой.

— Старики, мы не опаздываем? — спросил Алик.

Ему ответили:

— Нет.

— А зачем такой загадочный вид? — удивился Алик. — Все в порядке, ничего не происходит. Вы когда-нибудь в жизни присутствовали на свадьбе? Я, например, ни разу. Тем более в таком шикарном заведении. Это интересно со всех точек зрения.

— Ладно, помолчи, — сказала Надя.

Алик пожал плечами и замолчал, — впрочем, ненадолго:

— Слушайте, ребята, вы в курсе, я — нет. Он кто такой?

— Физик, по-моему, — сказала Альбина.

— Скорее, лирик, — заметил Юра.

— Да нет, это их дальний родственник, — сказала Надя.

— Родственник?

— Дальний. Он что-то там по оборудованию, три года был в Индии. Квартиру построил.

— Ах вот как, — сказал Алик.

И все это — тихо, вполголоса.

— В общем, старик, не грусти, в наше время тоже совершаются такие браки, — сказал Юра.

— Какие браки?

— Ну, раньше это называлось: по расчету.

— Вы дураки, — сказала Альбина. — А может, ей хочется пожить как следует? И не когда-нибудь, когда ей будет сорок лет...

И опять все — тихо, вполголоса.

Подошел молодой человек в бабочке.

— Вы не Самсоновых ждете, нет?

— Нет, — сказала ему Надя.

— Простите, — сказал молодой человек, удаляясь.

Он направился к другой группе, тоже стоявшей в ожидании, и тоже, вероятно, спросил, не ждут ли они Самсоновых.

— Раньше невесты плакали, — сказал Юра.

Ему никто не ответил.

— Слушайте, вы, примитивные люди! — вдруг заговорил Алик. — Как можно так упрощать: по любви, по расчету. Это всё догмы. В понятие идеала входит, между прочим, и такой вопрос, как материальная обеспеченность человека, жизнестойкость или как хотите называйте. Человек с квартирой — это уже не то, что человек без квартиры — даже по выражению глаз... — Он рассуждал, увлекаясь, и не замечал, как смотрят на него в эту минуту друзья — удивленно, сочувственно, печально. — И я бы не торопился осуждать женщину, которая в своем выборе, пусть даже подсознательно, учитывает эти моменты. Натали Гончарова любила Пушкина. Это даже установлено, что она его любила. И вы считаете...

Но теперь уже никто ничего не считал. Все разом двинулись навстречу молодым, неизвестно откуда явившимся. Оказалось, что их ждет довольно много народу. И человек с бабочкой был тут как тут и удивленно говорил Наде:

— Я же вас спрашивал — вы Самсоновых встречаете?

Теперь они были оба Самсоновы: Лена в белом подвенечном платье с фатой, ничуть не изменившаяся, и стройный мужчина лет тридцати в черном, как и полагалось, костюме. Они дружелюбно здоровались с встречающимися, а позади шла Татьяна Михайловна в со-

провождении родственников, и она первая увидела Алика и улыбнулась ему очаровательной улыбкой.

И Алик улыбнулся ей тоже.

И улыбнулся Лене. И ее жениху. И так и остался с глупой, бессмысленной улыбкой, которую хотел и не мог согнать с лица.

— Знакомьтесь, — говорила Лена. — Это — Геннадий, это — Эдик Терещенко... Юра... Надя... Лариса... Леня Жургин... А это — Алик, — сказала она, кажется, со значением, потому что Геннадий чуть дольше держал его руку в своей и сказал приветливо:

— Очень рад, много слышал хорошего...

А Алик все улыбался.

Он последним вошел в помещение и растерялся среди множества незнакомых лиц. Здесь было еще несколько пар новобрачных. Из зала доносилась музыка, двинулась процессия на улицу, Алик посторонился.

И в этот момент кто-то тронул его за плечо. Он быстро обернулся и увидел Лену.

Она стояла рядом.

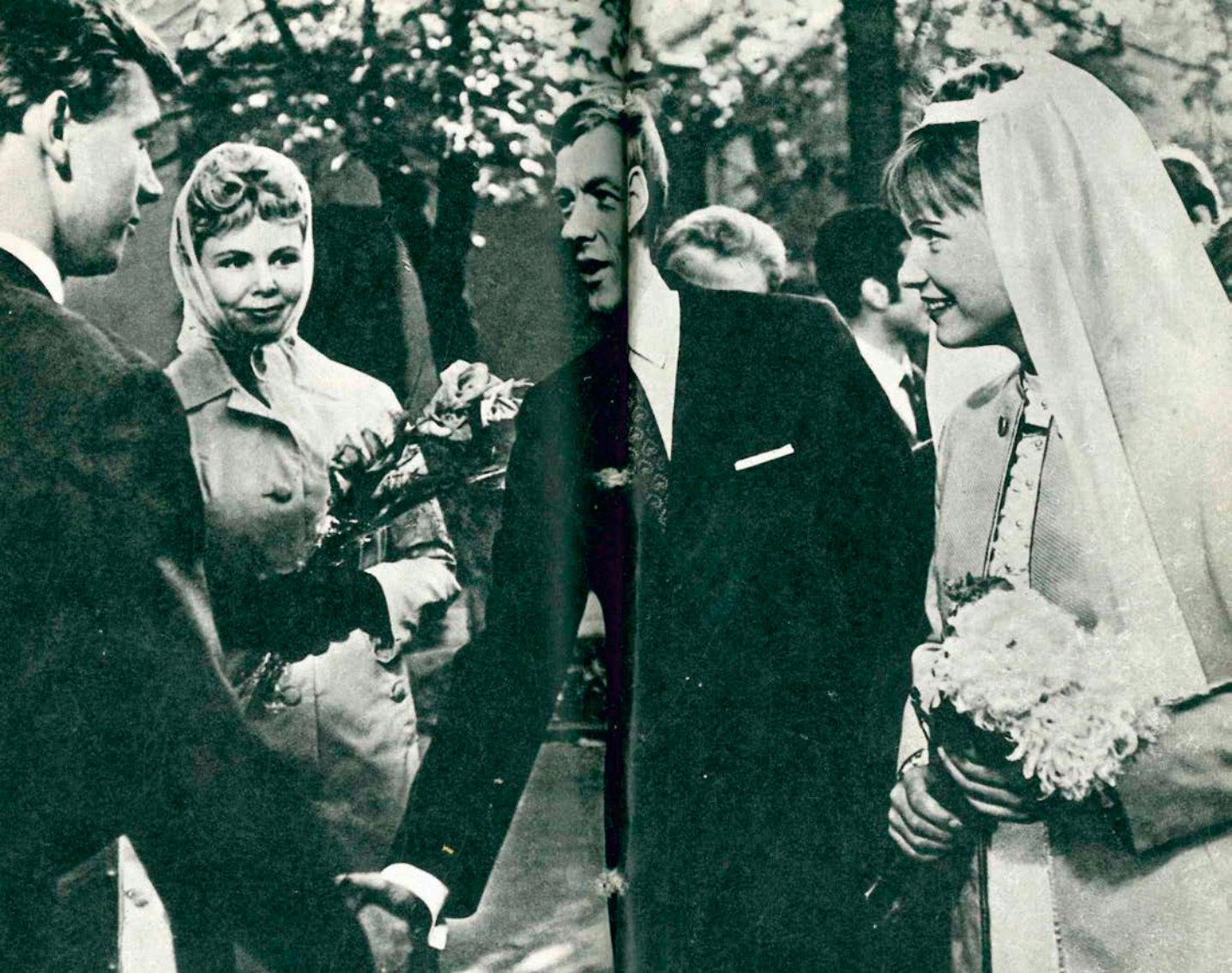
— Алик, — сказала она тихо, — не сердись на меня. Ты когда-нибудь это поймешь и, может быть, даже не будешь на меня сердиться. Просто я, может быть, немножко старше и смотрю на жизнь по-другому. Но никогда, никогда у меня не будет друга дороже, чем ты. Понял?

Она быстро поцеловала Алика.

И оба они увидели рядом отчаянное лицо Нади Воеводиной.

— Иди сейчас же! — сказала Надя зловещим шепотом. — Пусти ее, Алик!

— Наденька, все будет в порядке, — сказал Алик. — Если ты нам дашь еще две минуты, розно две... И, пожалуйста, не волнуйся: никаких не будет происшествий, в наше время невесты не сбегают из-под венца. Иди, ладно?

И он впервые посмотрел отважно в глаза Лене.

— Ну хорошо, — сказал он одними губами. — Иди. Будь счастлива.

Она торопливо и облегченно закивала в ответ, и глаза ее сияли, рот улыбался, она была счастлива и стыдилась признаться в этом Алику, и он, кажется, понял это наконец и снова сказал:

— Иди, иди.

Теперь предстояла церемония. Новобрачных поставили в центре зала, родственники и гости разместились вдоль стен, вошла женщина в темном жакете — представительница власти, с бумагами в руках.

А наши друзья стояли в глубине зала, у стенки, и переговаривались шепотом, и кто-то из них засмеялся, на него зашикали, появилось вдруг озорное — не к месту — настроение, совсем как в школе.

Эдик развлекался тем, что пытался дергать матерчатую розочку на груди у Нади.

— Слушай, а ну перестань! — сердилась Надя.

— А ты, Надька, как выйдешь замуж — по любви или по расчету? — поинтересовался Эдик.

Надя ответила неожиданно серьезно:

— Не знаю. Я ведь некрасивая. — Она усмехнулась грустно. — Так что шансов у меня не больно, сам знаешь... Но — ничего, я сама себе все пробью и все в жизни сделаю, будь уверен!..

Теперь говорил Эдик:

— Ну и что же будет с нами, а, Надька? Ты все знаешь, скажи...

За Эдиком — Ленька:

— Слушайте, вы! Давайте держаться в куче. Это не дело, чтобы каждый — сам по себе. Выросли вместе, чего уж теперь!..

И за Ленькой — Юра:

— Он все правильно говорит. Вот отец у меня: уж сколько людей — и приятели и сослуживцы. А друзья — все старые, со школы. Те, что живы остались...

И Алики:

— Ребята, а вы мне писать будете?.. А может, мы какой-нибудь день назначим? День встречи... Или это старо?..

...Женщина в темном жакете уже окончила речь, и уже все совершилось — и Лена и ее жених, ныне законный муж, с цветами торжественно двинулись к выходу, за ними потянулась процессия — родственники и знакомые.

«Чайка» была заказана. Она ждала на улице, у ворот.

Пока они рассаживались, Эдик Терещенко уговаривал шофера такси:

— Будь человеком, шеф, войди в положение: не можем же мы бросить наших товарищей. Как-нибудь втиснемся потихонечку, ничего. Фирма берет на себя все расходы...

«Чайка» отъехала, вслед за ней двинулась и пристроилась ей в хвост еще одна машина, и еще, и, наконец, такси с Эдиком и его друзьями. Они все-таки уселись вшестером.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу — Алик, Юра, Андрей, Эдик и Ленька у них на коленях, а впереди — Надя с шофером. Перед ними плыл массивный кузов «чайки», сквозь заднее стекло, то приближаясь, то удаляясь вместе с машиной, виднелись чьи-то неподвижные затылки и среди них — неожиданное белое пятно — фата, скрывавшая Лену.

Промелькнули старые московские переулки, за поворотом открылось Садовое кольцо. Сначала одна чужая машина вклинилась в их кортеж, потом исчезла из виду «чайка» — процессия нарушилась; наша машина двинулась теперь в густом потоке других и, миновав светфор, освобожденно набирала скорость.

Фильм по сценарию А. Гребнева «Переступи порог» поставлен на Киностудии имени М. Горького в 1970 году.

Режиссер-постановщик — Ричард Викторов. Главный оператор — Андрей Кириллов. Художники — Семен Велдницкий и Нина Юсупова. Звукооператор — Борис Корешков. Композитор — Владимир Чернышев. Текст песен Михаила Матусовского.

В ролях: Алик — Евгений Карельских, Лена — Ирина Короткова, Эдик — Константин Кошкин, Юра — Ара Бабаджанян, Андрей — Михаил Любезнов, Надя — Наталья Рычагова, Леня — Юрий Фисенко, Виктор Васильевич — Юрий Визбор, Вера Дмитриевна — Ольга Аросева, мать Алика — Надежда Семенова, ректор — Михаил Волков, супруги Терещенко — Александр Ширшоз, Инна Ульянова, мать Лены — Клавдия Хабарова, отец Юры — Артемий Карапетян.

Фотографии предоставлены фотографом-художником Владимиром Комаровым.

Гребнев Анатолий Борисович

«ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ»

Киносценарий

Редактор

Л. Ильина

Оформление и художественная редакция
Г. Александрова

Технический редактор

Н. Карпушкина

Корректор

З. Гинзбург

Сдано в набор 17/IX 1970 г. Подп. к печ. 18/II 1971 г.
A03853. Формат бумаги 70×90^{1/32}. Бумага гифдручная.
Усл. печ. л. 4,388. Уч.-изд. л. 5,576. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 15 938. Издательство «Искусство», Москва, К-51.
Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знаме-
ни Калининский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ка-
линин, проспект Ленина, 5. Заказ № 1852. Цена 29 коп.

29 кон.

